

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

РИК РИОРДАН

ИСПЫТАНИЯ
АПОЛЛОНА

БАШНЯ
НЕРОНА

18+

Люди против магов

Рик Риордан
Башня Нерона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риордан Р.

Башня Нерона / Р. Риордан — «Эксмо», 2020 — (Люди против магов)

ISBN 978-5-04-178923-7

Лестер Пападопулус – в прошлом бог Аполлон – уже привык, что он постоянно находится на волоске от смерти. Но новое испытание, которое предрекает ему пророчество, переходит всякие границы! Пробраться в неприступную башню Нерона и помешать сумасшедшему императору спалить весь Нью-Йорк – разве такое под силу подростку с акне и лишним весом?! Однако у Лестера и его подруги Мэг Маккаффри нет выбора. Если они не поторопятся, то полубоги и обычные люди погибнут. Поэтому берегись, Нерон! Впрочем, некоторые испытания едва ли под силу даже бывшему олимпийскому богу... Рик Риордан – автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе по мнению авторитетного издания «New York Times».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-178923-7

© Риордан Р., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рик Риордан

Башня Нерона

Rick Riordan

The Trials of Apollo: The Tower of Nero

© 2020 by Rick Riordan

© Оверина Ксения, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Бекки.

Каждый путь ведет меня домой к тебе

Глава 1

*Двуглавый змей
Испортил мне поездку
А у Мэг башмаки воняют*

Нет ничего удивительного в том, чтобы, путешествуя по Вашингтону, округ Колумбия, встретить пару-тройку змей в человеческой одежде. И все же я забеспокоился, когда на Юнион-Стейшн в наш поезд сел двухголовый удав.

На змее был «надет» деловой костюм из синего шелка: тело чудовища проходило сквозь рукава и штанины, имитируя человеческие конечности. Из ворота рубашки словно перископы-близнецы торчали две головы. Двигаясь с удивительной грацией, монстр, похожий на надувной шарик-переросток, занял место в противоположном конце вагона лицом к нам.

Никто в поезде не обратил на него внимания. Туман, конечно же, искажил их восприятие, и вместо него они видели обычного пассажира. Змей не делал ничего угрожающего. На нас он даже не взглянул. По всему выходило, что это просто-напросто возвращающийся домой работяга-монстр.

И все-таки я не мог не...

Я зашептал Мэг:

– Не хочу тебя пугать...

– Тсс! – перебила она.

Мэг со всей ответственностью отнеслась к правилам поведения в тихом вагоне. С самой посадки источник шума вокруг был только один – Мэг, шикающая всякий раз, как я чихал или прочищал горло.

– Но там монстр, – настаивал я.

Она оторвалась от бесплатного журнала компании «Амтрак»¹ и вскинула бровь над украшенной стразами оправой очков-кошечек: мол, *где?*

Я подбородком указал в сторону чудовища. Его левая голова с отсутствующим видом глядела в окно с того момента, как поезд тронулся. А раздвоенный язык правой то и дело мелькал, опускаясь в бутылку с водой, зажатой в змеином кольце, изображающем руку.

– Это *амфисбена*, – прошептал я и любезно объяснил: – Змея, у которой по одной голове с обеих сторон.

Мэг нахмурилась, а потом пожала плечами, что, видимо, означало: *выглядит мирно*. И вернулась к чтению.

Я сдержался и не стал спорить. В основном потому, что не хотел, чтобы на меня опять шикнули.

Винить Мэг за то, что ей хочется спокойной поездки, я не мог. За последние недели мы успели с боем пробиться сквозь стадо диких кентавров в Канзасе, столкнуться с голодным духом в Спрингфилде, штат Миссури, возле самой большой вилки в мире² (селфи я так и не сделал), и сбежать от пары синих драконов из Кентукки, которые несколько раз гоняли нас по ипподрому Черчилль-Даунс. После всего этого, наверное, казалось, что двухголовый змей в костюме еще не повод для беспокойства. Тем более что в тот момент он нас и правда не беспокоил.

Я попытался расслабиться.

¹ «Амтрак» – национальная железнодорожная пассажирская корпорация. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² В Спрингфилде действительно установлена огромная вилка, высотой 10,7 метра.

Мэг с головой ушла в чтение, увлекшись статьей о городском садоводстве. За месяцы нашего знакомства моя юная спутница подросла, но не так сильно, чтобы это помешало ей удобно устроиться в кресле, закинув ноги в красных кедах на спинку сиденья перед собой. Удобно, конечно – для нее, а не для меня и остальных пассажиров. Мэг не меняла обувь с тех пор, как нам пришлось бегать по ипподрому, и ее кеды выглядели и воняли как лошадиный зад.

Спасибо и на том, что она сменила свое драное зеленое платье на джинсы из «Доллар Дженерал»³ и зеленую футболку с надписью «VNICORNES IMPERANT!» – «ЕДИНОРОГИ РУЛЯТ!», которую купила в сувенирной лавке в Лагере Юпитера. Вкупе с начавшей обрастать стрижкой «под пажа» и наливающимся красным прыщом на подбородке она больше не походила на малолетку из детского сада, а выглядела почти на свой возраст: как шестиклассница, стоящая на пороге круга ада, который зовется пубертатом.

Я не стал делиться своими наблюдениями с Мэг. Во-первых, меня самого донимало акне. Во-вторых, Мэг – моя госпожа, и она может в буквальном смысле приказать мне выпрыгнуть в окно, и мне придется подчиниться.

Поезд ехал по пригородам Вашингтона. Предвечернее солнце мерцало между зданиями, как лампа старого кинопроектора. Это было то чудесное время дня, когда бог солнца должен сворачивать работу и направиться в сторону старых конюшен, чтобы припарковать колесницу, а затем кайфовать во дворце, попивая нектар из кубка в окружении нескольких десятков обожающих его нимф и глотая одну за другой серии нового сезона «Настоящих богинь Олимпа»⁴.

Но мне ничего такого не светит. Вместо этого я должен часами сидеть в скрипучем кресле поезда «Амтрак» и залипать на вонючие кеды Мэг.

Амфисбена в противоположном конце вагона по-прежнему не делала ничего угрожающего... если не считать актом агрессии питье воды из одноразовой бутылки.

Почему же у меня по шее то и дело пробегает холодок?

И все время сбивается дыхание. Сидя у окна, я чувствовал себя в ловушке.

Может, я просто нервничаю, зная, что ждет нас в Нью-Йорке? Я полгода провел в этом жалком человеческом теле – и вот развязка близка.

Мы с Мэг пересекли Соединенные Штаты туда и обратно. Освобождали древних оракулов, побеждали легионы монстров, терпели страшные муки от Американской системы общественного транспорта. И наконец, после множества трагических событий, одержали победу над двумя злыми императорами из Триумvirата, Коммодом и Калигулой, в Лагере Юпитера.

Но худшее было впереди.

Мы возвращаемся туда, где начались все наши беды, – на Манхэттен, где располагается база Нерона Клавдия Цезаря, абьюзивного отчима Мэг и моего самого нелюбимого скрипача. И даже если нам каким-то чудом удастся его победить, в тени притаилась угроза пострашнее – мой заклятый враг Пифон, залегший в моем священном Дельфийском оракуле, словно это какая-то дешевая квартирка из «Эйрбиэнби»⁵.

В ближайшие несколько дней я либо смогу одолеть этих противников и снова стать богом Аполлоном (если, конечно, позволит мой отец Зевс), либо умру, пытаясь это сделать. Так или иначе, время моего пребывания в облике Лестера Пападопулоса подходит к концу.

Так что, может, и неудивительно, что я нервничаю...

Я постарался сосредоточиться на прекрасном закате. И не заикливаться на невозможном списке своих задач или двухголовом змее в шестнадцатом ряду.

³ Dollar General – сеть магазинов, торгующих недорогими товарами.

⁴ Отсылка к сериалу «Настоящие домохозяйки Беверли-Хиллз».

⁵ Airbnb – онлайн-площадка, позволяющая пользователям подавать и искать объявления о сдаче в аренду жилья на короткий срок по всему миру.

До Филадельфии мне удалось дотерпеть и не сорваться. Но как только мы отъехали от станции «Тридцатая улица»⁶, мне стало ясно, что: 1) амфисбена не собирается сходить с поезда, а значит, это просто работяга, которому приходится каждый день ездить так на работу и с работы, и 2) мой внутренний радар вопил об опасности громче, чем обычно.

Я чувствовал, *что за мной следят*. Я сидел как на иголках, подобное я ощущал, играя в прятки с Артемидой и ее охотницами в лесу, за миг до того, как они выскочили на меня из кустов и изрешетили стрелами. В то время мы с сестрой были совсем юными божествами, и нас еще забавляли столь незамысловатые развлечения.

Я решился взглянуть на амфисбену – и чуть не выпрыгнул из штанов. Чудовище таращилось на меня четырьмя немигающими желтыми глазами... неужто они начали светиться?! О, нет-нет-нет. Светящиеся глаза никогда ничего хорошего не предвещают.

– Мне нужно выйти, – сказал я Мэг.

– Ш-ш-ш.

– Посмотри на монстра. Я должен проверить. У него глаза светятся!

Мэг, прищурившись, посмотрела на мистера Змея:

– Не светятся, а *блестят*. И вообще, он сидит и никого не трогает.

– Но вид у него подозрительный!

– Ш-ш-ш! – раздалось с кресла позади нас.

Мэг гневно вскинула брови, глядя на меня. Мол, *говорила же!*

Я указал в проход и надулся.

Мэг, по-прежнему сидящая развалившись, как в гамаке, закатила глаза, убрала ноги со спинки переднего кресла и выпустила меня.

– Не начинай драку, – приказала она.

Супер. Теперь придется бездействовать, пока монстр не нападет, и только тогда защищаться.

Я стоял в проходе и ждал, когда кровь вернется в занемевшие ноги. Не знаю, кто придумал человеческую кровеносную систему, но вышло отвратно.

Амфисбена не двигалась. И по-прежнему не сводила с меня глаз. Казалось, монстр впал в какой-то транс. Может, копит силы для массированного удара? Интересно, амфисбены так делают?

Я покопался в памяти, стараясь вспомнить что-нибудь об этих существах, но нашлось совсем немного. Римский писатель Плиний заявлял, что ношение детеныша амфисбены вокруг шеи гарантирует благополучное течение беременности. (Не пригодится.) А если носить ее шкуру, можно стать привлекательнее для потенциального партнера. (Хмм. Нет, тоже не нужно.) Головы амфисбены могут изрыгать яд. Ага! Вот оно. Наверняка монстр готовится блевать в два горла, чтобы затопить вагон ядом!

Что делать?..

Несмотря на периодические всплески божественной силы и проявления божественных умений, не стоило надеяться, что они случатся в нужную минуту. По большей части я все еще жалкий семнадцатилетний мальчишка.

Можно достать лук и колчан с верхней багажной полки. Вооружиться было бы неплохо. Но это выдавало бы мои враждебные намерения. И Мэг точно намылит мне шею за неадекватное поведение. (Прости, Мэг, но глаза у него все-таки *светятся*, а не *блестят*.)

Вот было бы у меня оружие поменьше, скажем кинжал, который можно спрятать в карман футболки. И почему я не бог кинжалов!

Я решил пойти по вагону, словно направляясь в туалет. Если амфисбена нападет – закричу. Оставалось надеяться, что Мэг соизволит на пару минут отвлечься от журнала, чтобы

⁶ Главная железнодорожная станция Филадельфии.

меня спасти. По крайней мере, так я смогу приблизить неизбежный конфликт. Если змей ничего не сделает – что ж, возможно, он действительно не опасен. Тогда я *пойду* в туалет, потому что мне вообще-то и правда туда нужно.

По ногам еще бегали колючие мурашки, но я, спотыкаясь, побрел вперед, хотя «непринужденной походки» у меня не получилось. Я думал было насвистеть веселую песенку, но вспомнил, что мы в тихом вагоне.

До монстра оставалось четыре ряда. Сердце бухало у меня в груди. Его глаза определенно светились и определенно таращились на меня. Поза его была неестественно неподвижной даже для рептилии.

Осталось два ряда. Подбородок у меня дрожал, а на лице выступил пот, поэтому казаться беззаботным не получалось. Костюм амфисбены был явно дорогим и хорошо сшитым. Возможно, гигантский змей просто не может носить готовую одежду и вынужден обращаться к портным. Его блестящая желто-коричневая шкура с ромбовидным узором явно не сошла бы за наряд, который надевают, чтобы сделать удачное фото и выложить его в приложение для знакомств – если, конечно, ты не собираешься на свидание с удавом.

Я думал, что буду готов к нападению амфисбены.

Я ошибся. Чудовище рванулось вперед с невероятной скоростью и кольцом, играющим роль левой руки, схватило меня за запястье. Я даже пикнуть не успел. Если бы монстр хотел меня убить, я уже был бы мертв.

Но вместо этого он остановил меня, вцепившись в мою руку, словно тонущий в поисках помощи.

Его головы зашипели грозным дуэтом, и их голоса пробирали до самого костного мозга:

Аида сын, друзей твоих лихих
В пещерах бег укажет к трону путь.
Но ваша жизнь – в руках Нерона ледяных.

Змей отпустил меня так же внезапно, как и схватил. Мышцы взбугрились у него под шкурой, как если бы его тело начинало медленно закипать. Он сел ровно и вытянул шеи так, что оказался почти нос к носу со мной. Глаза монстра перестали светиться.

– Что я де... – Левая голова посмотрела на правую. – Как...

У правой головы вид был такой же озадаченный. Она посмотрела на меня.

– Кто вы? Постойте, я что, пропустил станцию в Балтиморе? Жена меня убьет!

Я был так ошарашен, что не мог говорить.

Строки, которые он продекламировал... Я узнал стихотворный размер. Амфисбена изрекла пророческое послание. До меня дошло, что монстр и впрямь мог быть обычным пассажиром, который волею Мойр стал одержим пророческим духом, потому что... Ну конечно! Потому что он змей. С древних времен змеи приносили мудрость на землю, потому что сами обитали под землей. А гигантский змей должен быть особенно восприимчив к голосам оракулов.

Я не знал, что мне делать. Извиниться за то, что доставил ему неудобства? Дать на чай? И если мой улавливающий опасность радар взбесился не из-за него – тогда из-за кого же?

Я был избавлен от неловкого разговора, а амфисбена – от участи быть убитым собственной женой, когда два арбалетных болта, пролетев сквозь вагон, убили монстра вместо нее, пригвоздив шеи бедной змеи к стене.

Я взвизгнул. Сидящие вокруг пассажиры зашикали на меня.

Амфисбена рассыпалась желтым прахом, оставив после себя лишь ладно сшитый костюм.

Я медленно поднял руки и осторожно, будто стоял на mine, повернулся, почти уверенный, что следующий болт вонзится мне в грудь. У меня не было даже шанса уклониться от

удара того, кто бьет в цель с такой меткостью. И оставалось лишь всем видом показать, что я не представляю угрозы. Это у меня отлично получалось.

В противоположном конце вагона я увидел две массивные фигуры. Один из нападавших, судя по бороде, всклокоченным волосам с вплетенными в них бусинами, кожаным доспехам, а также поножам и нагруднику из имперского золота, был германцем. Лично его я не знал, но в последнее время мне слишком часто приходилось встречаться с его соплеменниками. Было очевидно, кому он служит. Люди Нерона нашли нас.

В руках у сидящей Мэг уже возникли магические изогнутые мечи-близнецы, но германец прижал ей к горлу лезвие широкого клинка, дав понять, чтобы она оставалась на месте.

Арбалетчицей оказалась его спутница – женщина еще выше и мощнее. На ней была форма проводницы «Амтрака», которая не могла никого обмануть, кроме, судя по всему, всех смертных пассажиров поезда, почти не обративших внимания на новоприбывших. Под фуражкой проводника виднелись выбритые виски, волосы со средней части головы – блестящая каштановая грива – были заплетены в косу, перекинутую через плечо. Рубашка с короткими рукавами так натянулась на мускулистых плечах женщины, что эполеты и бейджик грозили вот-вот оторваться. Ее руки были покрыты татуировками из переплетающихся кругов, а шею обхватывал толстый золотой обруч – гривна.

Подобных ей я не видел целую вечность. Эта женщина была галлийкой! При этой мысли у меня внутри похолодело. В старину, во времена Римской республики, галлов боялись даже больше, чем германцев.

Она уже перезарядила двойной арбалет и нацелила его мне в голову. На поясе у нее висело и другое оружие: гладиус, дубинка и кинжал. Ну конечно – у нее, значит, кинжал есть!

Не сводя с меня глаз, женщина дернула подбородком вбок – общепринятый жест, означающий «Сюда, не то пристрелю».

Я прикинул, каковы мои шансы ринуться вперед и напасть на врагов прежде, чем они убьют нас с Мэг. Нулевые. Шансы на то, что мне удастся отсидеться за креслом, пока Мэг разберется с ними обоими, немногим больше, но все равно не супер.

На подкашивающихся ногах я пошел по вагону. Смертные пассажиры хмуро поглядывали на меня. Видимо, им казалось, что проводница пришла отчитать меня за то, что я разошелся в тихом вагоне. А что проводница вооружена арбалетом и только что убила двухголового змея в костюме, они, похоже, не заметили.

Добравшись до своего ряда, я посмотрел на Мэг – отчасти чтобы убедиться, что с ней все в порядке, отчасти потому, что мне было любопытно, отчего она не стала нападать. Такая мелочь, как приставленный к горлу меч, обычно ее не останавливала.

Она потрясенно смотрела на галлийку:

– Лугусельва?

Женщина коротко кивнула, и меня посетили две ужасающие мысли. Во-первых, Мэг ее знает. Во-вторых, ее зовут Лугусельва. Когда ее взгляд упал на Мэг, уровень ярости в ее глазах снизился на пару делений. Теперь это было не «я сейчас всех порешу», а «я скоро всех порешу».

– Да, Росточек, – сказала галлийка. – А теперь убери оружие, пока Гунтеру не пришлось отрубить тебе голову.

Глава 2

*Утренние булki на ужин?
Лестер против такого кощунства
Надо написать. Терплю*

Германец с мечом просиял:

– Отрубить голову?

Его имя ГУНТЕР было написано на фирменном бейджике, который он нацепил на доспехи как единственный признак какой-никакой маскировки.

– Не сейчас. – Лугусельва не спускала с нас глаз. – Как видите, Гунтеру нравится рубить головы, так что давайте по-хорошему. Пойдем...

– Лу, – спросила Мэг. – Почему?

Мэг умела вложить в голос искреннее, без единой фальшивой ноты страдание. Я слышал, как она горевала о наших погибших друзьях. Слышал ее рассказ о смерти отца. Слышал, с какой яростью она говорила о приемном отце Нероне, который убил ее папу и много лет отравлял ее разум, морально издеваясь над ней.

Но, когда она обратилась к Лугусельве, ее голос зазвучал совсем по-другому. Словно лучшая подруга только что без причин и предупреждений разорвала на части ее любимую куклу. В нем слышались обида, растерянность, изумление, будто, хоть жизнь и полна унижений, именно этого унижения она никогда не могла предвидеть.

Лу стиснула зубы. Вены у нее на висках вздулись. Я не понимал, злится она, чувствует себя виноватой или хочет показать, какая она белая и пушистая.

– Помнишь, что я говорила тебе о долге, Росточек?

Мэг подавила всхлип.

– Помнишь? – резче повторила она.

– Да, – прошептала Мэг.

– Тогда собирайся и пошли. – Лу отвела меч Гунтера от шеи Мэг.

Здоровяк недовольно фыркнул, что на языке германцев, видимо, означало «Никогда не дают повеселиться».

Ошеломленная, Мэг встала и открыла верхнюю багажную полку. Я не мог понять, почему она так покорно исполняет приказы Лугусельвы. Мы попадали в переплеты и похуже, но сражались. Кто все-таки эта галлийка?

– Значит, все? – прошептал я, когда Мэг отдала мне мой рюкзак. – Мы сдаемся?

– Лестер, – тихо проговорила она, – просто делай как я скажу.

Я повесил на плечи рюкзак, лук и колчан. Мэг застегнула на талии садовничий пояс. Лу и Гунтера, похоже, ничуть не смутило, что я теперь вооружен стрелами, а Мэг – семенами фамильных растений в огромных количествах. Пока мы собирались, смертные бросали на нас раздраженные взгляды, но никто не шикал, видимо, не желая разозлить двух крепких проводников, выводящих нас из вагона.

– Туда. – Лу указала арбалетом на дверь у себя за спиной. – Остальные ждут.

Остальные?!

Я не горел желанием встретиться с другими галлами и гунтерами, но Мэг смиренно побрела за Лу сквозь двойные двери из плексигласа. Я пошел следом. Гунтер дышал мне в затылок, вероятно прикидывая, как просто будет отделить мою голову от тела.

Наш вагон с другим соединял переход: грохочущий шаткий коридор с автоматическими раздвижными дверями; в углу приютился туалет размером не больше шкафа, а по обе стороны от нас располагались входные двери. Я подумал было выскочить в одну из них и надеяться

на лучшее, но побоялся, что «лучшее» окажется смертью от удара о землю. Снаружи стояла непроглядная тьма. Судя по громоханию панелей из гофрированной стали у меня под ногами, наша скорость намного больше ста миль в час.

За противоположными дверями из плексигласа виднелся вагон-ресторан: унылый буфет, ряды столиков, вдоль которых ошивались с полдюжины крепких ребят – это были германцы. Ничего хорошего нас там не ждет. Если у нас с Мэг и есть шанс сбежать, действовать нужно прямо сейчас.

Но, прежде чем я решился на какой-нибудь отчаянный шаг, Лугусельва вдруг остановилась перед входом в вагон-ресторан. И повернулась к нам.

– Гунтер! – рывкнула она. – Проверь, нет ли в туалете лазутчиков.

Кажется, Гунтер был огорошен этим приказом не меньше меня – то ли потому, что не видел в нем никакого смысла, то ли потому, что понятия не имеет, кто такие лазутчики.

Мне стало интересно, что было причиной такой подозрительности Лугусельвы. Она что, решила, будто в туалет набился легион полубогов, готовых в любой миг выскочить и броситься к нам на помощь? Или, может, она, как и я, однажды наткнулась на циклопа, восседающего на фарфоровом троне, и с тех пор не доверяет общественным туалетам?

Посверлив пару секунд Лугусельву взглядом, Гунтер фыркнул и подчинился.

Когда он заглянул в туалет, галью... в смысле галлийка внимательно на нас посмотрела.

– Когда поедem по туннелю в Нью-Йорк, – сказала она, – вы оба попроситесь в туалет.

Я и раньше получал дурацкие приказы, в основном от Мэг, но так низко еще никогда не падал.

– Вообще-то мне уже сейчас нужно, – заметил я.

– Потерпишь, – отрезала Лу.

Я бросил взгляд на Мэг: может, она понимает, что происходит? Но она угрюмо смотрела себе под ноги.

Тут вернулся сосланный в уборную Гунтер:

– Никого.

Бедолага. Если уж приходится искать лазутчиков в туалете поезда, *меньшее*, на что ты рассчитываешь – найти парочку и убить на месте.

– Ладно, – сказала Лу. – Пошли.

Она втолкнула нас в вагон-ресторан. Шестеро германцев повернулись и уставились на нас, сжимая в мощных кулаках булочки и стаканчики с кофе. Варвары! Кто еще станет есть утренние булочки вечером! Воины были одеты как Гунтер, в кожу и золотую броню. Маскировкой – фирменными бейджиками – они тоже благоразумно обзавелись. Один из них, ЭДЕЛЬ-БЕОРТ (самое популярное германское имя для мальчика в 162 году до новой эры), пролаял, обращаясь к Лу, какой-то вопрос на неизвестном мне языке. Лу ответила на том же наречии. Судя по всему, ответ удовлетворил воинов, и они снова занялись кофе и булочками. Гунтер присоединился к ним, ворча, как трудно найти хорошего врага, которому можно отрубить голову.

– Сядьте здесь, – велела нам Лу, указав на столик у окна.

Мэг с хмурым видом уселась на место. Я устроился напротив, положив рядом длинный лук, колчан и рюкзак. Лу осталась стоять неподалеку – на тот случай, если мы решим обсудить план побега. Но ей не о чем было волноваться. Мэг по-прежнему избегала смотреть мне в глаза.

Я снова задумался о том, кто такая эта Лугусельва и что она значит для Мэг. За месяцы наших странствий Мэг ни разу о ней не упомянула. Это меня беспокоило. Я подозревал, что это вовсе не значит, что Лу безразлична Мэг, скорее наоборот: она для Мэг очень-очень важна.

Но почему галлийка? При Нероне в Риме редко можно было встретить галла. К тому моменту, когда он стал императором, они по большей части были уже покоренным и насильно «окультуренным» народом. Тех, кто не желал оставлять в прошлом татуировки и гривны и жил

по старым обычаям, вытеснили на окраины Бретани или на Британские острова. Имя Лугусельва... Я никогда хорошо не говорил по-галльски, но вроде бы оно означает «любимая богом Лугусом». Я вздрогнул. Эти кельтские божества были странным свирепым народом.

У меня путались мысли, и решить загадку Лу в тот момент я не мог. Из головы не выходила несчастная убитая амфисбена – безобидный монстр, который уже никогда не вернется домой к жене – а все из-за того, что пророчество выбрало его своей марионеткой.

От его слов меня пробрала дрожь: это была терцина, совсем как та, которую мы получили в Лагере Юпитера:

Зевесов сын, последний бой грядет.
Нерона башня примет лишь двоих,
И зверь, что занял твой чертог, падет.

Да, я выучил эти проклятые строки.

Теперь нам выдали очередной набор инструкций, очевидно, связанный с предыдущим, потому что первая и третья строки в нем рифмовались с предыдущей строфой. Дурацкий Данте, придумавший эту дурацкую бесконечную стихотворную форму.

Аида сын, друзей твоих лихих
В пещерах бег укажет к трону путь.
Но ваша жизнь – в руках Нерона ледяных.

Я знал одного сына Аида – Нико ди Анджело. Наверное, он все еще в Лагере полукровок на Лонг-Айленде. Может, он и знает тайный путь к трону Нерона, но у него не будет возможности показать его нам, если мы не сбежим из этого поезда. Кто такие друзья Нико, бегающие в пещерах, я понятия не имел.

Последняя строчка новой строфы была форменным издевательством. Нас тут окружили люди Нерона – конечно, мы у него в руках. Хотелось верить, что у этого стиха есть какое-нибудь оптимистичное продолжение... может быть, связанное с тем, что Лу приказала нам идти в туалет, когда мы окажемся в туннеле на подъезде к Нью-Йорку. Но, глядя на свирепое лицо Лу и ее семерых накачанных кофеином и сахаром друзей-германцев, особого оптимизма я не ощущал.

Я поежился в кресле. Ну *зачем* я вспомнил про туалет?! Теперь захотелось еще больше.

Снаружи мелькали подсвеченные билборды Нью-Джерси: рекламы салонов, где можно купить непрактичный гоночный автомобиль; юристов, которых можно нанять, чтобы засудить других водителей, если въедешь куда-то на этой машине; казино, где можно промотать все деньги, выигранные в судах по этим искам. Великий круг жизни.

Мы проехали станцию аэропорта Ньюарка. Да хранят меня боги, я настолько отчаялся, что у меня мелькнула мысль, не попробовать ли сбежать. В *Ньюарк*.

Но Мэг сидела на месте, и я не стал дергаться.

Скоро должен показаться туннель, ведущий к Нью-Йорку. Может быть, вместо того чтобы отпрашиваться в туалет, мы атакуем наших захватчиков...

Лу словно прочла мои мысли:

– Хорошо, что вы сдались. Только в этот поезд Нерон отправил еще три таких же отряда. Все маршруты – поезда, автобусы, авиарейсы до Манхэттена – перекрыты. Не забывайте, что у Нерона есть Дельфийский оракул. Он знал, что вы приедете сегодня. Вас все равно схватили бы на подходе к городу.

Умеешь ты растоптать надежду, Лугусельва. Напомнить, что пособник Нерона Пифон вещает ему о будущем, используя мой священный оракул против меня... Это жестоко.

Но Мэг вдруг оживилась, как будто что-то в словах Лу вселило в нее надежду:

– А как вышло, что именно *ты* нашла нас, Лу? Просто удача?

Лу поиграла мускулами, отчего татуировки на ее руках пришли в движение: из-за вертящихся перед глазами кельтских кругов меня даже начало укачивать.

– Я хорошо тебя знаю, Росточек, – сказала она. – Знаю, как тебя выследить. Нет никакой удачи.

Я мог бы вспомнить нескольких богов удачи, которые не согласились бы с этим заявлением, но спорить не стал. После того как нас взяли в плен, желание вести светские беседы у меня как-то поугасло.

Лу повернулась к своим спутникам:

– Как только доедем до Пенн-стейшн, передадим пленников конвоирам. И чтобы никаких ошибок. Никто не убивает девчонку или бога, пока в этом нет крайней необходимости.

– А сейчас нет крайней необходимости? – спросил Гунтер.

– Нет, – ответила Лу. – У *принцеса* на них свои планы. Они нужны ему живыми.

Принцес. Во рту у меня стало горше, чем от самого горького амтраковского кофе. Чтобы меня притащили к Нерону под конвоем – да, *не так* я планировал с ним встретиться.

Мы проехали мимо пустырей, застроенных складами, и верфей Нью-Джерси, а через миг нырнули в черноту туннеля под Гудзоном. Неразборчивый голос из динамика сообщил, что следующая остановка Пенн-стейшн.

– Я хочу писать, – заявила Мэг.

Я изумленно уставился на нее. Неужто она и впрямь собралась выполнять странный приказ Лу? Галлийка взяла нас в плен и убила ни в чем не повинного двухголового змея. С чего бы Мэг доверять ей?

Мэг с силой надавила пяткой мне на ногу.

– Да, – пискнул я. – Мне тоже надо.

По крайней мере, в моем случае это было правдой.

– Потерпишь, – пробурчал Гунтер.

– Я *очень* хочу. – Мэг попрыгала на месте.

Лу тяжело вздохнула. Ее раздражение не казалось наигранным.

– Ладно. – Она повернулась к своему отряду. – Я их свожу. Вы оставайтесь здесь и готовьтесь к высадке.

Никто из германцев не стал возражать. Наверное, Гунтер успел пожаловаться, как его отправили проверять туалет. Они стали запихивать последние булки в рот и собираться, а мы с Мэг поднялись из-за стола.

– Вещи, – напомнила мне Лу.

Я поморгал. Ну конечно. Кто же ходит в туалет без лука и стрел? Это было бы глупо. Я взял свой багаж.

Лу повела нас обратно в переход. Как только двери за ней закрылись, она тихо скомандовала:

– *Сейчас*.

Мэг рванула в тихий вагон.

– Эй! – Лу отпихнула меня с дороги, успев прошептать: – Заблокируй дверь. Отцепи вагон. – И помчалась за Мэг.

Что-что сделать?!

В руках у Лу вспыхнули два скимитара.

Постойте-ка, у нее были мечи Мэг?! Нет. Добежав до конца перехода, Мэг развернулась к ней, у нее в руках возникли два меча, и они сцепились в демонической схватке. Получается, они обе *димахеры* – самый редкий тип гладиаторов? Это значило... у меня не было времени думать о том, что это значило.

Позади меня раздавались вопли – это рванули к нам германцы. Еще миг – и они окажутся в переходе.

Я не понимал, что происходит, но в моем тупом человеческом мозгу забрезжила мысль, что, возможно – возможно! – Лу пытается нам помочь. И если я не заблокирую дверь, как она приказала, нас догонят семеро злобных варваров с липкими ручонками.

Я ударил ногой в основание раздвижных дверей. Ручек на них не было. Пришлось прижать ладони к створкам и силой держать их сомкнутыми.

Гунтер врезался в двери на полной скорости, от удара у меня чуть не выбило челюсть из суставов. Сзади на него налетел второй германец. Мне повезло разве что с тем, что варвары оказались в узком пространстве, где им трудно было действовать сообща, ну и еще с тем, что соображают они туго. Вместо того чтобы объединить силы и раздвинуть створки, они просто толкали и отпихивали друг друга, отчего Гунтер бился мордой в двери, как таран.

У меня за спиной, яростно лязгая клинками, сражались Лу и Мэг.

– Молодец, Росточек, – еле слышно проговорила Лу. – Помнишь, чему я тебя учила. – И уже громче, чтобы все слышали, добавила: – Я убью тебя, глупая девчонка!

Я представил, как эта сцена выглядит в глазах германцев, застрявших по ту сторону плексигласовых дверей: их соратница Лу бьется со сбежавшей пленницей, пока я пытаюсь сдерживать их натиск. У меня немели руки. Мышцы в плечах и груди нещадно болели. В отчаянии я оглянулся по сторонам, надеясь увидеть механизм, запирающий двери в случае аварийной ситуации, но нашел только кнопку аварийного выхода. На кой она вообще нужна?!

Поезд грохотал по туннелю. По моим прикидкам, оставались считанные минуты до прибытия на Пенн-стейшн, где нас ждут «конвоиры» Нерона. А мне не хочется, чтобы меня конвоировали.

«Отцепи вагон», – велела Лу.

И как я должен это сделать, если мне приходится еще и двери держать?! Я ведь не инженер-железнодорожник! Играть в паровозики и вагончики – это больше по Гестовой части.

Оглянувшись, я окинул взглядом переход. Удивительно, но здесь не было рычага с табличкой, предписывающей дернуть за него, чтобы расцепить вагоны. О чем думают эти типы из «Амтрака»?!

Вот оно! На полу я заметил несколько наложенных внахлест откидывающихся пластин, образующих «мостик», по которому пассажиры могут пройти без опаски, даже когда трясет. Одну из этих панелей кто-то – наверное, Лу – успел отвернуть, и под ней виднелась сцепка.

Даже если бы я мог дотянуться до нее оттуда, где я стою – а я не мог, – мне вряд ли хватило бы сил и сноровки, чтобы засунуть туда руку, перерезать кабели и разомкнуть сцепку. Щель между пластинами была слишком узкой, а соединительный механизм находился слишком низко. Ударить по нему с такого расстояния мог бы разве что лучший в мире лучник!

Ой. Погодите-ка...

Двери прогибались под весом семи варваров, ударяя мне в грудь. Резиновую обкладку рядом с моим ухом пробило лезвие топора. Чтобы выстрелить из лука, мне нужно развернуться, а это безумие.

«Да, – едва не в истерике, подумал я. – Я это сделаю».

Я вытащил из колчана стрелу и засунул ее в просвет между створок, чтобы выиграть время. Гунтер взвыл. Натиск ослаб, в толпе германцев возникло замешательство. Я развернулся спиной к плексигласовым дверям, заблокировав их пяткой, кое-как ухватил лук и умудрился даже наложить стрелу.

Лук у меня новый – божественное оружие из сокровищницы Лагеря Юпитера. За последние полгода я стал стрелять куда лучше. И все же это ужасная идея. Нормально выстрелить, прижавшись спиной к твердой поверхности, невозможно. Я просто не смогу как следует натянуть тетиву.

Но я все-таки выстрелил. Стрела канула в дыру, пролетев мимо сцепки.

– Прибытие на Пенн-стейшн через минуту, – зазвучал голос из динамика. – Выход на левую сторону.

– Мало времени! – крикнула Лу и взмахнула мечом над головой Мэг. Та направила удар вниз и чуть не проткнула галлийке бедро.

Я выстрелил снова. На этот раз наконечник стрелы, высекая искры, лязгнул о механизм сцепки, но вагоны упрямо не желали разъединяться.

Германцы колотили в двери. Одна из плексигласовых панелей вылетела из рамы, оттуда появилась рука и схватила меня за футболку.

С отчаянным воплем я отскочил от дверей и выстрелил в последний раз, натянув тетиву как полагается. Стрела юркнула между кабелей и ударила по сцепке. Сцепка дернулась и со скрипом разошлась.

Германцы рухнули в переход как раз в тот миг, когда я перепрыгнул через ширящийся провал между вагонами и чуть не напоролся на скимитары Мэг и Лу, но каким-то чудом устоял на ногах.

Повернувшись, я увидел, как вагон-ресторан уносится в темноту со скоростью семьдесят миль в час, а семеро германцев пьются на нас, не веря своим глазам, и ругаются такими словами, повторять которые я не буду.

По инерции наш отцепленный вагон проехал еще футов пятьдесят и остановился. Мэг и Лу опустили оружие. Какая-то смелая пассажирка из тихого вагона отважилась высунуться и спросить, что происходит.

Я шикнул ей в ответ.

Лу сердито посмотрела на меня:

– Ну наконец-то, Лестер. А теперь давайте поторопимся, пока мои люди не вернулись. Вы двое только что перешли из статуса «взять живыми» в статус «достаточно предоставить доказательство смерти».

Глава 3

*Премудрая стрела,
К убежищу путь укажи.
Только не к этому. НЕТ!*

– Я не понял, – сказал я, когда мы, спотыкаясь, пробирались по темным туннелям. – Мы все еще твои пленники?

Лу посмотрела сначала на меня, а потом на Мэг:

– Для бога он что-то туповат.

– И не говори, – буркнула Мэг.

– Ты работаешь на Нерона или нет?! – возмущенно спросил я. – И как... – Я поводит пальцем, указывая то на Лу, то на Мэг, молча вопрошая: «Откуда вы друг друга знаете?» Или, возможно: «Вы обе такие бесячие – вы что, родственницы?»

На средних пальцах у обеих блеснули одинаковые золотые кольца. Я вспомнил, как Лу и Мэг сражались, как, в точности вторя друг другу, резали и кололи четыре клинка в их руках. До меня наконец дошло очевидное.

– Ты тренировала Мэг, – понял я. – Готовила ее в димахеры.

– И она в отличной форме. – Лу одобительно пихнула Мэг локтем. – Я довольна тобой, Росточек.

Никогда не видел, чтобы у Мэг был такой гордый вид.

Она повисла у Лу на шее:

– Я знала, что ты не злая.

– Хмм. – В ее объятиях галлийке было явно неловко. Она похлопала Мэг по плечу. – Я бываю очень даже злая, Росточек. Но я больше не позволю Нерону издеваться над тобой. А теперь пошли.

Издеваться. Лучше и не скажешь.

Мне было непонятно, как Мэг может доверять этой женщине. Та убила амфисбену – и глазом не моргнула. И я не сомневался, что то же самое она бы проделала со мной, если бы сочла необходимым.

Хуже того: Нерон платит ей. Пусть Лу спасла нас от плена, но она тренировала Мэг, а значит, она поддерживала Нерона долгие годы, пока он подвергал мою юную подругу эмоциональным и ментальным мучениям. Лу участвовала в коварном замысле императора, решившего «перевоспитать» Мэг. Я боялся, что она вдруг захочет вернуться к прежней жизни. Может, Нерон придумал, как с помощью любимой тренерши Мэг манипулировать ее сознанием.

Только было не ясно, как лучше заговорить об этом. Лу вела нас под землей, по служебным туннелям, где только она ориентируется. Да и вооружена она получше меня. К тому же мне приходится подчиняться Мэг. Она сказала, что мы пойдем за Лу, и воспротивиться я не могу.

И мы продолжали наш путь: Мэг и Лу шли рядышком, я тащился позади. Хотелось бы сказать, что я «прикрывал тыл» или выполнял какую-нибудь другую важную задачу, но, скорее всего, Мэг просто про меня забыла.

Над головой горели забранные решетками лампы, отбрасывая на кирпичные стены такие же решетчатые, как тюремная клетка, тени. Пол, покрытый грязью и слизью, вонял как старые бочки с «вином», которые Дионис не позволял выбросить из своего погреба, хотя их содержимое давно уже превратилось в уксус. По крайней мере, кеды Мэг перестали вонять лошадиным навозом – теперь они были вымазаны новыми ядовитыми отходами.

Когда очередной миллион миль остался позади, я осмелился спросить:

– Мисс Лу, куда мы идем? – И сам испугался – так громко и гулко прозвучал мой голос в темном туннеле.

– Подальше от мест, где нас будут искать, – ответила она таким тоном, будто я спросил о чем-то очевидном. – Нерон контролирует почти все камеры наблюдения на Манхэттене. Нужно пропасть с его радара.

Очень странно было слышать, как галльская воительница говорит о радарх и камерах.

Мне снова стало интересно, как Лу попала к Нерону на службу.

Скрепя сердце я должен признать, что императоры, входившие в Триумвират, в сущности, были малыми богами. И очень придирчиво выбирали, кому из их последователей будет позволено провести вечность рядом с ними. С германцами все понятно. Охранники императоров, конечно, тупые и жестокие – зато до невозможности преданные. Но почему галлийка? Наверняка Нерон ценит Лугусельву не только за блистательное владение мечом. Мне не верилось, что такая воительница может предать своего господина после того, как два тысячелетия служила ему.

Похоже, мои подозрения чувствовались даже на расстоянии. Лу оглянулась и, заметив мое хмурое выражение, сказала:

– Аполлон, если бы я хотела вас убить, вы бы уже были мертвы.

Так и есть, подумал я, но Лу могла бы добавить: «Если бы я хотела обманом заставить вас идти куда я скажу, чтобы живьем доставить к Нерону, я бы вела себя именно так, как сейчас».

Лу ускорила шаг. Мэг сердито посмотрела на меня, словно говоря «Не обижай мою галлийку», и побежала ее догонять.

Я потерял счет времени. Прилив адреналина, случившийся во время схватки в поезде, схлынул, сменившись усталостью и болью. Конечно, я по-прежнему бежал от смертельной опасности, но в последние полгода я почти все время только этим и занимался. Не могу же я бесконечно находиться в состоянии дикой паники. Слизь с пола промочила мне носки. Казалось, на ногах у меня не обувь, а хлюпающие глиняные горшки.

Некоторое время я был впечатлен тем, как хорошо Лу знает эти туннели. Она вела нас вперед и уверенно поворачивала на развилках. Но когда на одной из них она слишком замешкалась, меня осенило.

– Ты не знаешь, куда мы идем, – сказал я.

Она сердито зыркнула на меня:

– Я же тебе сказала. Подальше от...

– ...мест, где нас будут искать. От камер. Ага. Но куда именно мы идем?

– Куда-нибудь. В безопасное место.

Я рассмеялся. Как ни удивительно, мне вдруг стало легче. Когда я понял, что Лу понятия не имеет, куда идти, мне стало проще ей доверять. Не было у нее никакого грандиозного плана. Мы заблудились. Какое облегчение!

Лу, видимо, не оценила моего чувства юмора.

– Уж прости, мне пришлось импровизировать, – проворчала она. – Вам повезло, что в поезде нашла вас именно я, а не другой отряд императора. В противном случае ты бы сейчас сидел под стражей у Нерона.

Мэг снова сердито на меня посмотрела:

– Да, Лестер. И вообще: все нормально. – Она указала налево, в коридор, украшенный старыми плитками с греческим меандром⁷, – наверное, это остатки заброшенной линии метро.

– Я знаю это место. Впереди должен быть выход.

Я хотел спросить, откуда она это знает, но потом вспомнил, что большую часть детства Мэг провела, скитаясь по темным переулкам, заброшенным зданиям и другим странным

⁷ Меандр – геометрический орнамент.

местам Манхэттена – и все это с благословения Нерона, злого императора, изображавшего из себя прогрессивного папашу.

Мне представилось, как малышка Мэг бродит по этим туннелям, делает колесо в грязи и выращивает грибы в каких-то богами забытых закоулках.

Мы шли за ней... Не знаю – шесть, семь миль? По крайней мере, мне так казалось. И вдруг по туннелю эхом прокатился гулкий грохот, донесшийся откуда-то издалека.

– Поезд? – нервно предположил я, хотя пути давно остались позади.

Лу наклонила голову набок:

– Нет. Это гром.

Я не понимал, как такое возможно. Когда мы спускались в туннель в Нью-Джерси, на небе не было ни тучки. Меня напрягала мысль о грозе, внезапно разразившейся так близко от Эмпайр-стейт-билдинг, где находится вход на гору Олимп – дом Зевса, также известного как Папуля-Громовержец.

Но Мэг ничтоже сумняшеся зашагала вперед.

Наконец мы дошли до тупика, из которого вверх тянулась металлическая лестница. Наверху виднелась приоткрытая крышка люка, из-под нее пробивался свет и сочилась вода, отчего казалось, что у нас над головами плачет полумесяц.

– Я помню, что он выходит в проход между домами, – заявила Мэг. – Камер нет, по крайней мере когда я была тут в последний раз, их не было.

Лу крикнула, как бы говоря «Молодец», хотя это могло значить и «Чую что-то паршивое».

Галлийка стала подниматься первой. Вскоре мы вдвоем оказались в переулке между двумя многоэтажками, отданные на растерзание ветру и дождю. В небе сверкнула развилестая молния, озарив темные тучи золотым светом. Струи дождя били меня по лицу, кололи глаза.

Откуда взялась эта буря? Что это: приветствие от отца или предупреждение? А может, это обыкновенная летняя гроза. Как ни печально, жизнь в теле Лестера доказала, что не всякое погодное явление имеет отношение ко мне.

От грома в обоих зданиях тряслись окна. Судя по фасадам из желтого кирпича, мы находились где-то в Верхнем Ист-Сайде, хотя трудно представить, что мы могли уйти так далеко от Пенн-стейшн по подземным туннелям. Впереди виднелась оживленная улица, по которой проносились такси. Парк-авеню? Лексингтон?

Я обхватил себя руками. У меня стучали зубы. Колчан начал заполняться водой, его ремень все сильнее давил на плечо. Я повернулся к Лу и Мэг:

– Ни у кого, случайно, нет какой-нибудь волшебной штуки, которая останавливает дождь?

С пояса, увешанного оружием, Лу сняла нечто, что я сначала принял за полицейскую дубинку. Она нажала на кнопку, и раскрылся купол – дубинка оказалась зонтиком. Естественно, места под ним хватило только Лу и Мэг.

Я вздохнул:

– Сам напросился, да?

– Ага, – кивнула Мэг.

Я поднял над головой рюкзак, и теперь 0,003 процента дождинок не попадало мне в лицо. Одежда липла к телу. Сердце то замедлялось, но начинало колотиться с бешеной скоростью, как будто не могло определиться, устал я или до ужаса напуган.

– Что теперь? – спросил я.

– Найдём место, чтобы перегруппироваться, – ответила Лу.

Я покосился на ближайший мусорный бак:

– Значит, у Нерона куча недвижимости на Манхэттене, а у тебя даже нет секретной базы?

Лу сухо рассмеялась – и сухим в этом переулке был только ее смех.

– Я же сказала: Нерон проверяет все камеры наблюдения в Нью-Йорке. И ты думаешь, что при этом он не следит за своей собственностью? Хочешь рискнуть?

Она была права, и это бесило.

Мне хотелось доверять Лугусельве, потому что ей доверяет Мэг. Я не мог не признать, что в поезде Лу спасла нас. У меня в голове звучала последняя строчка пророчества амфисбены: «Но ваша жизнь – в руках Нерона ледяных».

Это могло быть о Лу, о том, что ей можно доверять.

Вот только Лу убила амфисбену. Кто знает – вдруг, проживи монстр еще пару минут, он выдал бы еще одну строку: «Нет! Нет! Не доверяй галлийке ты».

– Если ты на нашей стороне, зачем притворялась в поезде? – спросил я. – Зачем убила амфисбену? К чему этот спектакль с туалетом?

Лу закричала:

– Начнем с того, что я на стороне Мэг. На тебя мне плевать.

– Верно подмечено, – ухмыльнулась Мэг.

– Что же до монстра... – Лу пожала плечами. – Это был просто монстр. Рано или поздно он возродится в Тартаре. Не велика потеря.

Я подумал, что жена мистера Змея с этим не согласится. Впрочем, совсем недавно я и сам относился к полубогам примерно так же, как Лу к амфисбене.

– Насчет спектакля, – продолжила она. – Если бы я предала своих товарищей, и вас, и меня наверняка бы убили, или кто-то из моего отряда сбежал бы и доложил обо всем Нерону. И меня бы считали изменницей.

– Но они *все* сбежали, – возразил я. – И все доложат Нерону и... А. Они расскажут Нерону, что...

– ...Что в последний раз, когда они меня видели, – закончила Лу, – я дралась как бешеная, пытаюсь не дать вам удрать.

Мэг отпрянула от Лу и посмотрела на нее круглыми глазами:

– Но Нерон решит, что ты погибла! Ты можешь остаться с нами!

Лу горько улыбнулась:

– Нет, Росточек. Мне скоро придется вернуться к нему. Если повезет – Нерон поверит, что я по-прежнему на его стороне.

– Но зачем? – не унималась Мэг. – Ты не можешь к нему вернуться!

– Иначе никак, – покачала головой Лу. – Я должна сделать так, чтобы вас не поймали. И еще... Мне нужно рассказать вам, что происходит... и что задумал Нерон.

Сомнение в ее голосе заставило меня напрячься. Каков бы ни был план Нерона, он явно ужасал Лу.

– К тому же, – продолжала она, – если хотите победить, вам понадобится свой человек при дворе императора. Очень важно, чтобы Нерон поверил, что я пыталась вас остановить, но у меня не вышло, и я прибежала к нему поджав хвост.

– Но... – Похоже, мои мозги совсем раскисли от дождя и больше не могли порождать вопросы. – Ладно. Объяснишь в каком-нибудь сухом месте. Кстати об этом...

– У меня идея, – сказала Мэг. Она подбежала к дороге впереди. Мы с Лу, шлепая по лужам, последовали за ней. Судя по ближайшим табличкам, мы находились на углу Лексингтон и Семьдесят пятой улицы. – Видишь? – улыбнулась Мэг.

– Вижу что? – переспросил я. – О чем ты... – Я вдруг понял, что она имеет в виду, и это осознание обрушилось на меня словно тяжеленный амтраковский тихий вагон.

– Нет, – сказал я. – Они и так много для нас сделали. Я *не стану* опять подвергать их опасности, особенно когда за нами охотится Нерон.

– Но в прошлый раз ты был совсем не против, чтобы...

– Мэг, нет!

Лу переводила взгляд с меня на нее:

– Вы вообще о чем?

Мне хотелось засунуть голову в рюкзак и заорать. Полгода назад я без колебаний завалялся к старому другу, который жил в паре кварталов отсюда. Но теперь... после всех трудностей и страданий, которые обрушивались на любое место, где мне давали приют... Нет. Я *не мог* поступить так снова.

– Давай так. – Я вытащил из колчана Стрелу Додоны. – Спросим мою подругу-пророчицу. Наверняка у нее есть идея получше, например поискать горящие предложения в отелях! – Дрожащими руками я поднял стрелу. – О великая Стрела Додоны...

– Он что, к стреле обращается? – спросила Лу Мэг.

– Ага, – кивнула Мэг. – Он разговаривает с неживыми предметами. Не обращай внимания.

– Мне нужен твой совет! – продолжал я, сдерживаясь, чтобы не пнуть Мэг по ноге. – Где нам искать укрытия?

У меня в голове зазвучал голос стрелы:

– НЕУЖТО СВОЕЙ ПОДРУГОЙ МЕНЯ ТЫ НАРЕК? – Тон у нее был очень довольный.

– Ну да. – Я показал своим спутницам большой палец. – Мы ищем место, чтобы спрятаться и перегруппироваться, где-нибудь недалеко, но так, чтобы не попадать под камеры Нерона и все остальное.

– ОСТАЛЬНОЕ У ИМПЕРАТОРА ВЕСЬМА УЖАСАЕТ, ИСТИНУ ГЛАГОЛЕШЬ, – согласилась стрела. – ТОЛЬКО ВЕДОМО ТЕБЕ УЖЕ, КУДА ИДТИ, О ЛЕСТЕР. НАПРАВЬТЕ СТОПЫ СВОИ ТУДА, ГДЕ ПОДАЮТ СЕМИСЛОЙНЫЙ СОУС. – С этими словами стрела умолкла.

Я горестно застонал. Ее совет был предельно ясен. О вкуснейший семислойный соус хозяйки дома! О уютная теплая квартирка! Но стрела ошиблась. Я не мог...

– Что она сказала? – требовательно спросила Мэг.

Я попытался придумать другой вариант, но у меня не было сил даже на то, чтобы соврать.

– Ладно, – сдался я. – Идем домой к Перси Джексону.

Глава 4

*Мальшика – милашка
Милоты через край
Ой. Мое сердце разбито*

– Здравствуйте, миссис Джексон! А Перси дома?

Я дрожал, на придверный коврик текла вода, а за моей спиной стояли две такие же насквозь промокшие и чумазные спутницы.

На секунду Салли Джексон застыла на пороге, улыбаясь, словно она ожидала доставку цветов или печенья. А за дверью оказались мы.

За прошедшие полгода в ее темных, цвета плавника⁸, волосах появилось больше проблесков седины. На ней были потрепанные джинсы, свободная зеленая блузка, а на босой левой ноге – капелька яблочного пюре. Теперь она уже не была беременна, и, видимо, это объясняло доносящийся из квартиры детский смех.

Изумление Салли быстро прошло. Все-таки она воспитала полубога, а значит, ей часто приходилось иметь дело с разными неожиданностями.

– Аполлон! Мэг! И... – Она окинула взглядом нашу покрытую татуировками великаншу-проводницу с ирокезом на голове. – Здравствуйте! Бедняжки, как же вы промокли, проходите!

Гостиная Джексонов была такой же уютной, как я ее помнил. С кухни тянуло запахом запеченных помидоров с моцареллой. Из старомодного проигрывателя играл джаз – ах, Уинтон Марсалис!⁹ В комнате стояли несколько удобных диванчиков и кресел. Я поискал глазами Перси Джексона, но увидел лишь мужчину средних лет с сильной проседью в волосах. На нем были помятые штаны защитного цвета и розовая рубашка, поверх которой был повязан ярко-желтый фартук, заляпанный томатным соусом, а на руках – варежки-прихватки. Он качал на ноге хихикающего младенца. Комбинезончик на ребенке был такого же желтого цвета, как фартук на мужчине, и у меня мелькнула мысль, не комплект ли это.

Наверняка повар и младенец являли собой очаровательную, трогательную сцену. К несчастью, я вырос на историях о титанах и богах, которые готовили и/или поедали собственных детей, поэтому умилился этому зрелищу чуть меньше, чем мог бы.

– У вас в квартире какой-то мужчина, – сообщил я миссис Джексон.

Салли рассмеялась:

– Это мой муж Пол. Я отлучусь на минутку. Скоро вернусь. – И она умчалась в ванную.

– Привет! – улыбнулся нам Пол. – Это Эстель.

Эстель захихикала и пустила слюни, словно ее имя было самой смешной шуткой на свете. У нее были зеленые, цвета морской воды, глаза, как у Перси, и, очевидно, дружелюбный характер матери. Черные вихры на голове у малышки перемежались с седыми, как у Пола – я никогда не встречал такой особенности у младенцев. Она, похоже, первый в мире ребенок с проседью в волосах. В общем, с генами Эстель явно повезло.

– Здравствуйте. – Я не знал, к кому обращаться: к Полу, Эстель или к тому, что готовилось на кухне и источало божественные запахи. – Э-э, не считите за грубость, но мы надеялись... О, спасибо, миссис Джексон.

Салли уже вернулась из ванной и теперь деловито укутывала Мэг, Лу и меня в пушистые бирюзовые полотенца.

⁸ Плавник – здесь: обломки деревьев, выброшенные на берег.

⁹ Уинтон Марсалис – американский джазовый музыкант, трубач, композитор.

– Мы надеялись увидеть Перси, – закончил я.

Эстель радостно взвизгнула. Ей явно нравилось имя «Перси».

– Я бы тоже хотела его увидеть, – ответила Салли. – Но он отправился к Западному побережью. Вместе с Аннабет. Они выехали несколько дней назад. – Она указала на фотографию в рамке на столе. На ней мои старые друзья Перси и Аннабет сидели рядышком в помятом «Приусе» семейства Джексон и, улыбаясь, выглядывали из окна со стороны водителя. Сзади сидел наш общий друг сатир Гроувер Ундервуд и корчил рожу: скосил глаза, свесил набок язык, а пальцами показывал знак мира. Аннабет прижималась к Перси, обхватив его руками за шею и собираясь то ли поцеловать, то ли задушить. Сидящий за рулем Перси показывал в объектив большие пальцы. Казалось, он говорит: «Мы сваливаем! Разбирайтесь там со своими квестами и прочим сами, веселитесь!»

– Он окончил школу, – сказала Мэг таким потрясенным тоном, будто на ее глазах свершилось чудо.

– Да! – подтвердила Салли. – У нас даже торт был в честь этого. – Она указала на другую фотографию, где счастливые Перси и Салли держали нежно-голубой торт с синей надписью из глазури: «ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВЫПУСНИК ПЕРСИ!» Я не стал спрашивать, почему слово «выпускник» написано с ошибкой: ведь дислексия в семьях полубогов – обычное дело.

– Выходит, – я сглотнул, – его здесь нет.

Я понимал, что сказал глупость, но какая-то упрямая часть моего существа твердила, что Перси Джексон *должен* быть где-то здесь, сидеть и ждать, пока мне понадобится, чтобы он разобрался за меня с какими-нибудь опасными делами. Это его *обязанность*!

Но нет. Так бы думал прежний Аполлон – тот, каким я был, когда в прошлый раз оказался в этой квартире. Перси имел право на собственную жизнь. Он старался жить ею, и – о горькая истина! – я к ней никаким боком не относился.

– Я рад за него, – сказал я. – И за Аннабет...

Тут мне пришло в голову, что, уехав из Нью-Йорка, они скорее всего остались без связи. Мобильные телефоны в руках полубогов слишком сильно привлекали внимание монстров, особенно в дороге. Магические средства связи постепенно восстанавливались, после того как мы освободили бога тишины Гарпократа, но все еще барахлили. Перси и Аннабет могли ничего не знать о трагедиях, которые нам пришлось пережить на Западном побережье – в Лагере Юпитера, а до этого в Санта-Барбаре...

– О нет, – пробормотал я. – Получается, они не слышали о...

Мэг громко кашлянула. И предупреждающе зыркнула на меня: мол, *заткнись*.

Верно. Было бы жестоко вываливать на Салли и Пола новости о смерти Джейсона Грейса, особенно когда Перси и Аннабет едут в Калифорнию и Салли наверняка за них переживает.

– Не слышали о чем? – спросила Салли.

Я сглотнул: в горле совсем пересохло.

– Что мы возвращаемся в Нью-Йорк. Неважно. Мы просто...

– Довольно болтовни, – вмешалась Лу. – Мы в серьезной опасности. Эти смертные не смогут нам помочь. Нужно уходить.

Нельзя сказать, что в голосе Лу звучало презрение – скорее раздражение и, возможно, беспокойство за наших хозяев. Если бы Нерон вычислил, что мы здесь, он не пощадил бы домашних Перси только по той причине, что они не полубоги.

Но Стрела Додоны велела нам идти сюда. А значит, на то должна быть причина. И я надеялся, что она связана с блюдом, которое готовил Пол.

Салли внимательно посмотрела на нашу крепкую подругу с татуировками. В ее взгляде не было обиды – похоже, она прикидывала, какой размер носит Лу и найдется ли у нее что-нибудь достаточно большое.

– Ну куда же вы пойдете, когда с вас вода ручьями бежит? Давайте хотя бы подберем вам сухую одежду и поедем, если вы голодные.

– Да, очень, – сказала Мэг. – Я вас люблю.

Эстель снова захихикала. Кажется, она только что обнаружила, что пальцы ее отца могут шевелиться, и ее это ужасно смешило.

Салли улыбнулась дочери, а потом Мэг:

– И я тебя люблю, дорогая. Другьям Перси здесь всегда рады.

– Я понятия не имею, кто такой этот Перси, – возразила Лу.

– Мы рады принять *всех*, кому нужна помощь, – поправилась Салли. – Поверьте, нам и раньше не раз грозила опасность, но мы справлялись. Правда, Пол?

– Ага, – без колебаний согласился он. – У нас полно еды. И, думаю, кое-что из одежды Перси тебе подойдет – Аполлон, да?

Я мрачно кивнул. Мне было очень даже хорошо известно, что одежда Перси будет мне впору, потому что полгода назад я вышел из этой квартиры в его обносках.

– Спасибо, Пол.

– Что ж... – проворчала Лу. – Это лазаньей пахнет?

Пол улыбнулся:

– Семейный рецепт Блофисов.

– Хм. Думаю, мы можем ненадолго задержаться, – заключила Лу.

И каких только чудес не бывает! Мы с галлийкой хоть в чем-то сошлись во мнениях.

– Примерь-ка это.

Пол протянул мне выцветшую футболку Перси вместе с его же потрепанными джинсами.

Я не жаловался. Одежда была чистой, теплой и сухой, а после того, как мне пришлось тащиться под землей через половину Манхэттена, мои старые вещи воняли так, что их нужно было запечатать в пакет для токсичных отходов и сжечь.

Я сел на кровать Перси рядом с Эстель, которая лежала на спине, зачарованно глядя на синее пластмассовое колечко.

Я провел рукой по выцветшей надписи на футболке «КОМАНДА ПО ПЛАВАНЬЮ АСШ».

– Что такое «АСШ»?

Пол наморщил нос:

– Альтернативная средняя школа. Только там согласились принять Перси в выпускной класс, после того как... Ну, сам знаешь.

Я помнил. Перси пропустил почти весь учебный год перед выпускным классом из-за Геры, которая перенесла его через всю страну, лишив памяти – и все ради того, чтобы греческий и римский лагеря полубогов объединились в войне против Геи. Моя мачеха обожает мирить народ.

– Тебе не нравилось положение дел или сама школа? – спросил я.

Пол пожал плечами. Ему было явно неловко: похоже, говорить неприятные вещи ему не по душе.

Эстель слюняво заулыбалась мне:

– Гы!

Я перевел это как «Прикинь, какая удача, что мы сейчас живы!».

Пол сел рядом с дочерью и нежно погладил ее по вихрастой голове.

– Я преподаю английский в другой школе, – сказал он. – АСШ была... не лучшим вариантом. Когда ребенку трудно и он то и дело оказывается под ударом, хочется найти для него спокойное место с хорошими условиями, где его будут поддерживать. Хочется в каждом ученике видеть личность. АСШ – это скорее загон для всех, кто не вписывается в систему. Перси

столько пережил... Я за него волновался. Но он отлично справился. Ему *очень* хотелось получить аттестат. Я горжусь им.

Эстель заворковала, и у Пола вокруг глаз собрались морщинки. Он коснулся пальцем ее носа:

– Пунык.

Малышка на долю секунды застыла в изумлении. А потом рассмеялась так весело, что я испугался, как бы она не подавилась собственными слюнями.

Я понял, что с удивлением смотрю на Пола и Эстель – они показались мне даже бóльшим чудом, чем выпуск Перси из школы. Пол оказался заботливым мужем, любящим отцом и добрым отчимом. По моему опыту, подобные существа встречаются еще реже, чем единороги-альбиносы или трехкрылые грифоны.

Что же до малышки Эстель, то ее добродушие и умение видеть удивительное в обычных вещах по силе граничили с суперспособностями. Если, став взрослой, она останется такой же открытой миру и очаровательной, как сейчас, она будет этим миром править. Я решил не рассказывать о ней Зевсу.

– Пол... – несмело начал я, – вам не страшно было впустить нас? Из-за этого ваша семья может оказаться под ударом.

Уголки его рта дрогнули:

– Я видел битву за Манхэттен. И слышал о тех ужасах, которые пришлось пережить Салли – как она билась с Минотавром и оказалась в Подземном мире. А приключения Перси? – Он выразительно покачал головой. – Перси так часто рисковал собой ради нас, ради своих друзей, ради всего мира. Неужто я не могу рискнуть и впустить вас к себе, чтобы вы немного отдохнули, накормить и дать чистую одежду? Да разве я мог поступить иначе?

– Вы хороший человек, Пол Блофис.

Он наклонил голову, словно задумавшись, каким еще человеком можно стремиться быть.

– Что ж, не буду мешать тебе приводить себя в порядок и переодеваться. Мы же не хотим, чтобы ужин подгорел, правда, Эстель? – Он осторожно взял на руки малышку, которая тут же захихикала, и вышел из комнаты.

Я долго не выходил из душа. Да, мне нужно было как следует помыться. Но бóльшую часть времени я просто стоял, упершись лбом в кафельную стену, дрожа и плача, пока наконец не почувствовал, что готов снова видеть других людей.

Что за штука эта доброта? Вынужденный пребывать в шкуре Лестера Пападопулоса, я научился справляться с жуткими словесными оскорблениями и постоянным насилием, угрозавшим моей жизни, – но малейшее проявление великодушия било мне прямо в сердце, заставляя рыдать под натиском бушующих внутри чувств.

Провалитесь вы, Пол, Салли и ваша очаровательная малышка!

Как мне отплатить им за то, что они не прогнали меня? Мне казалось, я обязан им тем же, чем и Лагерю Юпитера, Лагерю полукровок, Станции, Цистерне, Пайпер, и Фрэнку, и Хейзел, и Лео, и – да, особенно Джейсону Грейсу. Я обязан им *всем*.

Как иначе?

Я оделся и приковылял к остальным.

Все уже расселись за круглым столом, кроме Эстель, которую, по словам Пола, уже уложили спать. Не сомневаюсь, что такое исключительное веселье требует больших энергозатрат.

На Мэг было новое свободное платье розового цвета и белые легинсы. Если они понравились ей так же, как и прошлый наряд, подаренный Салли, она не снимет их, пока они не превратятся в обгорелые лохмотья и не упадут с нее. В сочетании с высокими красными кедами – которые, к счастью, хорошенько почистили, – у нее получился наряд в цветах Дня святого Валентина, что совсем не в ее стиле, если, конечно, не предположить, что ее возлюбленный – чесночный хлеб, гигантский кусок которого она пыталась прожевать.

Лу обзавелась мужской рубашкой размера XXL с вышитой на кармане надписью «МЕГА-МАРКЕТ ЭЛЕКТРОНИКИ». Вокруг пояса у нее наподобие килта было повязано пушистое бирюзовое полотенце, потому что, как она сказала, в квартире нашлись только одни брюки, подходящие ей по размеру – Салли ходила в них, когда была беременна. Так что нет уж, спасибо, она подождет, пока ее штаны прокрутятся в сушилке.

Каждому досталась большая тарелка салата, лазанья и чесночный хлеб. Это, конечно, не знаменитый семислойный соус Салли, но все-таки семейное застолье, какого у меня не было с тех пор, как мы покинули Станцию. Когда я вспомнил о ней, мне взгрустнулось. Интересно, как они все: Лео, Калипсо, Эмми, Джо, маленькая Джорджина?.. Тогда наши злоключения в Индианаполисе казались сущим кошмаром, но теперь, оглядываясь назад, я скучал по тому времени, когда все было проще и мы были счастливее.

Салли Джексон села и улыбнулась:

– Как же здорово. – На удивление она не шутила. – У нас не часто бывают гости. А теперь давайте поедим, и вы расскажете, кто или что грозит вам смертью на этот раз.

Глава 5

Не выражаться за столом?

Тогда ни слова об этом

#@\$%-@& Нероне*

Как хорошо было бы просто поговорить за столом о всяких пустяках: о погоде, о том, кто кому нравился в школе, какие боги насылали чуму на какие города и почему. Но *нет* – каждый раз разговор шел о тех, кто хочет меня убить.

Мне не хотелось никому портить аппетит, тем более что от вкуса и запаха лазаньи, приготовленной Полом по фамильному рецепту, у меня текли слюнки прямо как у Эстель. К тому же я не знал, стоит ли доверять Лугусельве настолько, чтобы рассказывать ей нашу историю во всех подробностях.

А вот Мэг подобные сомнения не мучили. Она как на духу выложила все, что с нами приключилось, умолчав лишь о трагических смертях. Я был уверен, что эти подробности она упустила только потому, чтобы Салли и Пол не волновались слишком сильно о Перси.

Мне еще не приходилось слышать, чтобы Мэг болтала столько, сколько за столом у Салли и Пола. Складывалось ощущение, что присутствие добрых родителей рядом высвободило в ней что-то, что прежде было под надежным замком. Мэг рассказала им о наших сражениях с Коммодом и Калигулой. И о том, как мы освободили четыре древних оракула, а теперь вернулись в Нью-Йорк, чтобы дать отпор последнему и самому могущественному императору – Нерону. Пол и Салли внимательно слушали, время от времени выражая беспокойство или сочувствие. Когда Салли посмотрела на меня и вздохнула: «Бедняжка!» – я чуть снова не разрыдался. Мне хотелось поплакать у нее на плече. И чтобы Пол одел меня в желтый комбинезончик и убаюкал.

– Значит, за вами охотится Нерон, – наконец сказал Пол. – Тот самый Нерон. Римский император устроил свое злодейское логово в небоскребе в центре города. – Он откинулся на спинку стула и положил руки на стол, словно пытаясь переварить новости вместе с едой. – Пожалуй, мне приходилось слышать вещи и побезумнее. И что вам теперь нужно сделать? Сразить его в бою? В очередной битве за Манхэттен?

Я вздрогнул:

– Надеюсь, что нет. Битва с Коммодом и Калигулой далась... тяжело для Лагерь Юпитера. Если бы я попросил Лагерь полукровок атаковать базу Нерона...

– Нет. – Лу, как истинный варвар, окунула кусок чесночного хлеба в салатную заправку. – Масштабный штурм – это самоубийство. Нерон к нему готов. Он его прямо-таки ждет. Будет множество сопутствующих жертв.

Ветер ударил в окна. Сверкнула молния, будто Зевс предостерегал меня: мол, что-то ты слишком расслабился от родительской заботы этих милых людей.

С каким бы подозрением я ни относился к Лугусельве, тут я ей поверил. Нерон с наслаждением вступит в бой, несмотря на случившееся с двумя его союзниками в заливе Сан-Франциско, а может, именно *потому*, что с ними это случилось. Спросить, что имела в виду Лу, говоря о «множестве сопутствующих жертв», я побоялся.

Полномасштабная война с Нероном не станет очередной битвой за Манхэттен. Когда армия Кроноса штурмовала Эмпайр-стейт-билдинг, вход на гору Олимп, титан Морфей усыпил всех смертных в Нью-Йорке. Сам город и его население почти не пострадали.

Но это совсем не в духе Нерона. Ему нравится действовать эффектно. Он предпочел бы хаос, вопящую толпу, бесчисленные смерти среди мирных жителей. Речь идет о человеке, который сжигал людей заживо, используя их как факелы на своих пиршествах в саду.

– Должен быть другой способ, – решил я. – Я больше не позволю, чтобы из-за меня страдали невинные.

Салли Джексон сложила руки на груди. Несмотря на то что мы обсуждали довольно мрачные вещи, она улыбнулась:

– Кое-кто повзрослел.

Я подумал, что это она о Мэг. За последние полгода моя юная подруга и правда стала выше и... Стоп. Салли что, имеет в виду *меня*?

Моя первая мысль: какая нелепость! Мне четыре тысячи лет. Ничего я не *повзрослел*.

Она потянулась через стол и сжала мне руку:

– Когда ты был здесь в прошлый раз, ты был совершенно растерян. Ты был таким... только не обижайся...

– Убогим, – ляпнул я. – Избалованным самовлюбленным нытиком. И мне было ужасно себя жалко.

Мэг кивала после каждого моего слова, будто я напевал ее любимую песенку:

– Тебе *по-прежнему* себя жалко.

– Но теперь, – продолжила Салли, снова сев ровно, – в тебе больше... человеческого, что ли.

Снова это слово – «человек». Еще недавно я бы посчитал его страшным оскорблением. А сейчас каждый раз, когда я его слышу, я вспоминаю завет Джейсона Грейса: «*Помни, что значит быть человеком*».

Он говорил не о проблемах, которых полно в жизни людей. А о *лучшем*, что есть в людях: о том, как человек способен встать на защиту справедливости; думать сначала о других, а потом уже о себе; упрямо верить, что ты можешь что-то изменить, даже если это значит, что придется умереть, защищая своих друзей и принципы. Богам это... да чего уж там – совсем не знакомо.

Как и Джейсон, Салли Джексон говорила о человечности как о достоинстве.

– Спасибо, – наконец произнес я.

Она кивнула:

– Чем мы можем помочь?

Лу, чавкая, закинула в рот последний кусок лазаньи:

– Вы сделали более чем достаточно, мама Джексон и папа Блофис. Нам пора идти.

Мэг посмотрела в окно, за которым бушевала гроза, и перевела взгляд на корзинку с чесночным хлебом:

– А можно мы останемся до утра?

– Отличная идея, – согласился Пол. – У нас полно места. Если люди Нерона в поисках вас рыскают по темным улицам и мокнут под проливным дождем... то лучше пусть они остаются там, а вы здесь, где тепло и уютно – разве нет?

Лу явно задумалась над его предложением. Она рыгнула – громко и продолжительно, – что в ее культуре, наверное, было знаком благодарности (или знаком того, что у нее газы).

– Ты говоришь мудро, папа Блофис. Лазанья твоя вкусна. Очень вкусна. Да и на камерах нас утром будет лучше видно.

– На камерах? – Я выпрямил спину. – На камерах наблюдения Нерона? Я думал, мы не хотим, чтобы нас заметили.

Лу пожала плечами:

– У меня есть план.

– Такой же, как в поезде? Потому что...

– Послушай-ка, малыш Лестер...

– Стоп! – приказал Пол. – Не будем ссориться. А то разбудим Эстель. Наверное, нам следовало спросить об этом раньше, но... э-э... – Он переводил взгляд с Мэг на меня, а затем на Лу. – Откуда вы вообще друг друга знаете?

– Лу взяла нас в заложники в поезде, – сообщил я.

– Я *спасла* вас от плена в поезде, – поправила она.

– Лу меня опекала, – сказала Мэг.

Все внимание обратилось к ней.

Салли удивленно вскинула брови. Уши Лу стали пунцовыми.

Пол сохранял невозмутимый учительский вид. Казалось, сейчас он попросит Мэг дать полный ответ и привести три развернутых примера.

– Опекала в каком смысле, Мэг? – спросил он.

Лу посмотрела на нее. Вид у галлийки, ожидающей, пока Мэг объяснит, кем она ей приходится, был страдальческий.

Мэг провела вилкой по тарелке:

– По закону. Типа, если нужно что-то подписать. Или забрать меня из полиции... все такое.

Чем больше я об этом думал, тем менее абсурдным мне это казалось. Нерон и не собирався вдаваться в нюансы того, что значит быть родителем. Подписать разрешение для школы? Отвести Мэг к врачу? Нет уж, увольте. Такие вещи он поручит кому-то другому. Юридический статус? Нерону плевать, считается он официальным опекуном девочки или нет. Он был уверен, что Мэг – его *собственность*.

– Лу научила меня обращаться с мечом. – Мэг смущенно поежилась в своем новом розовом платье. – Она научила меня... ну, почти всему. Когда я жила во дворце, в башне Нерона, Лу старалась мне помочь. Она была... она была добрая.

Я пригляделся к галлийке в рубашке из «Мегамаркета электроники» и бирюзовом килте из полотенца. Ее можно было описать по-разному. Но слово «добрая» приходило на ум точно не в первую очередь.

Однако я вполне допускал, что по сравнению с Нероном она и правда добрая. Планка уж слишком невысока. Я допускал, что Нерон мог сделать Лу своим доверенным лицом, чтобы у Мэг появился еще один авторитет, на который можно равняться: воительница. После общения Мэг с Нероном и его второй личностью – ужасным Зверем – Лу действительно могла показаться ей приятной альтернативой.

– Ты была хорошим полицейским, – догадался я.

Вены на шее Лу под золотой гривной вздулись:

– Называй меня как хочешь. Я сделала для Росточка все что могла, пусть и недостаточно. Мы несколько лет тренировались вместе.

– Для Росточка? – переспросил Пол. – Ах да. Потому что Мэг – дочь Деметры. – Он сохранял серьезный вид, но в его глазах сверкали искорки, словно наш разговор был свидетельством чуда и он не мог поверить своей удаче.

А вот я себя везучим совсем не чувствовал. Я так сильно сжал вилку в кулаке, что у меня задрожала рука. Мой жест мог показаться угрожающим, если бы не насаженный на вилку помидор черри.

– Ты была *законным* опекуном Мэг. – Я свирепо уставился на Лу. – Ты могла вытащить ее из этой башни. Переехать. Сбежать вместе с ней. Но ты оставалась там. Годами.

– Эй! – возмутилась Мэг.

– Нет, он прав. – Лу сверлила взглядом форму для запекания. – Я обязана Нерону жизнью. Когда-то давно он не дал мне умереть... В общем, сейчас это уже не важно, но я служила ему не одну сотню лет. И на этой службе было непросто. Потом появилась Росточек. Я очень старалась. Но этого было недостаточно. А потом Мэг сбежала с тобой. Я слышала, что задумал Нерон, как он планировал поступить, когда вы вернетесь в город... – Она покачала головой. – Это было уж слишком. Я не могла привести Мэг обратно в его башню.

– Ты поступила по совести, – сказала Салли.

Хотел бы я быть таким же великодушным, как наша хозяйка.

– Нерон принимает воинов к себе на службу вовсе не за совесть, – я покачал головой.

Великанша посмотрела на меня исподлюбя:

– Ты прав, малыш Лестер. Хотите – верьте мне, хотите – нет, но, если мы не будем действовать заодно, если вы меня не слушаете, Нерон победит. И уничтожит все это, – она обвела рукой комнату. Что бы она ни имела в виду – мир, Манхэттен или квартиру Джексон-Блофисов, – ни один из этих вариантов нельзя допустить.

– Я тебе верю, – заявила Салли.

Смешно было даже предположить, что такой могучей воительнице, как Лу, может быть важно одобрение Салли Джексон, но на лице галлийки появилось искреннее облегчение. С него сошло напряжение. Вытянувшиеся кельтские татуировки у нее на руках снова превратились в концентрические круги.

– Благодарю, мама Джексон.

– Я тоже тебе верю. – Мэг бросила на меня хмурый взгляд, в котором отчетливо читалось *«И ты тоже будешь ей верить – или с разбегу впилишься в стену»*.

Я положил вилку с нанизанным на нее помидором. Это бы маленький шаг к примирению, но к большему я пока был не готов. Я не мог заставить себя полностью довериться Лугусельве. «Хороший полицейский» – это все-таки полицейский... это по-прежнему часть хитроумной манипуляции. А Нерон мастерски умел заморочить людям голову. Я посмотрел на Пола в поисках поддержки, но он только едва заметно пожал плечами: *«А что тебе еще остается?»*

– Хорошо, Лугусельва, – сказал я. – Рассказывай, какой у тебя план.

Пол и Салли подались вперед, готовые внимать ценным указаниям.

Лу покачала головой:

– Нет, добрые хозяева. Не сомневаюсь, что вы сильны и отважны, но я не допущу, чтобы это семейство пострадало.

Я кивнул:

– По крайней мере в этом мы согласны. Утром мы уйдем. Может, только позавтракаем поплотнее, если это не сильно вас затруднит.

Салли улыбнулась, но в ее глазах промелькнуло разочарование, как будто ей очень хотелось раздробить башку кое-каким злобным римлянам.

– Но мне все-таки хочется узнать про план. Что вы собираетесь делать?

– В подробности лучше не вдаваться, – ответила Лу. Но в башню Нерона есть потайной вход – снизу. Нерон пользуется им, чтобы видаться с... рептилией.

Лазанья у меня в желудке встала колом. *Рептилия*. Пифон. Мой злейший враг, вторгшийся в Дельфы, и бессменный обладатель титула «Самый Гадкий Змей» на протяжении тысячи лет по версии журнала «Олимп».

– Звучит не очень, – заметил я.

– Да, приятного там мало, – согласилась Лу.

– Но мы можем воспользоваться им и прокрасться внутрь, – предложила Мэг. – Застанем Нерона врасплох?

Лу фыркнула:

– Не все так просто, Росточек. Вход, конечно, секретный, но он все равно находится под надежной охраной и постоянным наблюдением. Если попытаетесь пробраться через него – вас схватят.

– Прошу прощения, – вмешался я. – Я пока не слышу ничего, похожего на план.

Лу замолчала, явно сдерживаясь, чтобы не сорваться на меня. Мне был знаком этот взгляд. Так на меня частенько смотрела Мэг, а еще моя сестра Артемида и... да, впрочем, и все остальные.

– Этот вход не для вас, – сказала она. – Но через него в башню *может* проникнуть небольшой отряд полубогов, если им хватит смелости и навыков подземного ориентирования.

«Аида сын, – зазвучали у меня в голове слова амфисбены, – *друзей твоих лихих / В пещерах бег укажет к трону путь*».

Очень страшно не понимать пророчество, но еще страшнее – когда тебе начинает открываться его смысл.

– Но их просто-напросто поймают, – возразил я.

– Не обязательно, – сказала Лу. – Не поймают, если Нерона хорошенько отвлечь.

Что-то мне подсказывало, что ответ на мой следующий вопрос мне не понравится:

– Отвлечь чем?

– Вами, когда вы сдадитесь, – ответила Лу.

Я ждал. Лу не производила впечатления любительницы розыгрышей, но сейчас ей было самое время расхохотаться и завопить «ДА НЕТ ЖЕ!».

– Ты, наверное, шутишь, – сказал я.

– Я согласна с Аполлоном, – заметила Салли. – Если Нерон хочет его смерти, зачем ему...

– По-другому никак. – Лу тяжело вздохнула. – Послушайте, я знаю Нерона. Когда я вернусь к нему и сообщу, что вам удалось сбежать, он поставит ультиматум.

Пол нахмурился:

– Кому?

– Лагерю полукровок, – пояснила Лу. – Всем полубогам, всем союзникам Аполлона, которые его укрывают. Его условия будут просты: Аполлон и Мэг должны сдать в течение определенного времени, в противном случае он уничтожит Нью-Йорк.

Я чуть не расхохотался. Это казалось невозможным, просто смешным. Но потом я вспомнил яхты Калигулы в заливе Сан-Франциско, готовые обрушиться на берег такую массу греческого огня, которая стерла бы с лица земли восточное побережье, если бы не диверсия Лавинии Асимов. Арсенал, имеющийся в распоряжении Нерона, едва ли меньше, а Манхэттен был заселен куда плотнее.

Он готов сжечь собственный город, в центре которого стоит его собственная роскошная башня?!

Глупый вопрос, Аполлон. Такое уже случалось. Спроси у Древнего Рима.

– Значит, ты спасла нас, – сказал я, – только чтобы сказать, что нам нужно сдать Нерону. Вот и весь твой план.

– Нерон должен поверить, что победил, – ответила Лу. – Как только вы окажетесь у него в руках, он ослабит охрану. И тогда, возможно, у отряда полубогов появится шанс проникнуть в башню снизу.

– *Возможно*, – повторил я.

– Действовать нужно быстро, – признала Лу, – но на какое-то время Нерон оставит тебя в живых, Аполлон. Они с рептилией... У них есть на тебя планы.

Далекий раскат грома сотряс мой стул. Или это я сам задрожал. Я догадывался, какие планы на меня могут быть у Нерона и Пифона. Они-то уж точно не собирались кормить меня лазаньей.

– Росточек, – продолжила Лу. – Я знаю, тебе будет трудно вернуться туда, но я буду рядом и буду защищать тебя, как не раз защищала прежде. Я буду твоим тайным агентом. Когда ваши друзья проникнут в башню, я смогу вас обоих освободить. И тогда вместе мы сможем победить императора.

О чем так задумалась Мэг? Неужели она всерьез размышляет, не согласиться ли на эту безумную авантюру?!

– Погоди-ка, – запротестовал я. – Даже если мы тебе поверим, почему ты так уверена, что убедишь Нерона? Ты сказала, что хочешь вернуться к нему поджав хвост и доложить, что мы сбежали. С чего ему тебе верить? Вдруг он заподозрит, что ты его предала?

– На этот случай у меня тоже есть план, – пожала плечами Лу. – Вам придется сбросить меня с крыши.

Глава 6

*Пока, Лугусельва
Черкни пару строк
Если все-таки приземлишься*

Случалось мне слышать планы и похуже.

Но какой бы привлекательной ни казалась мысль сбросить Лу с крыши, я сомневался, что она говорит серьезно, потому что подробностей она не сообщила.

– Завтра, – отрезала она. – Когда выйдем отсюда.

Утром Салли приготовила завтрак. Эстель заходилась смехом, глядя на нас. Пол извинился, что не сможет одолжить нам машину, потому что на семейном «Приусе», который мы обычно разбивали, Перси, Гроувер и Аннабет уехали в Калифорнию. Он предложил нам проехать на метро, но я был не готов снова садиться в поезд.

Салли обняла каждого и пожелала удачи. А потом сказала, что пойдет снова печь печеньки – это вроде как помогает ей снять стресс от работы над редактурой ее второго романа.

У меня возникла целая куча вопросов. Второй роман? Прошлым вечером мы вообще не обсуждали ее писательские дела. Печеньки? А может, и мы подождем, пока они испекутся?

Но что-то мне подсказывало, что дом Джексонов/Блофисов всегда будет полон гастрономических соблазнов. Здесь всегда найдется что-нибудь сладенькое или соленькое, а главное – куда более привлекательное, чем неприятности, ожидающие меня во внешнем мире.

К тому же работа Салли вызывает у меня уважение. Как бог поэзии я знаю, что такое редакция. Схватки с монстрами и императорскими наемниками тут и рядом не стоят.

Радует хотя бы то, что дождь прекратился и наступило жаркое июньское утро. Мы с Лу и Мэг шли пешком в сторону Ист-Ривер, петляя по переулкам, пока Лу не нашла подходящее место.

В жилой десятиэтажке в двух шагах от Первой авеню шел капитальный ремонт. Кирпичный фасад здания казался пустой скорлупой, в окнах не было стекол. Обойдя парковку сзади, мы перелезли через решетчатый забор и увидели, что черный ход закрыт обыкновенным листом фанеры. Лу одним пинком разнесла его в щепки.

– После вас, – сказала она.

Я заглянул в темный проем:

– А это обязательно?

– Падать с крыши буду я, а не ты, – тихо проговорила она. – Так что хватит ныть.

Внутри здание было укреплено металлическими лесами, уровни которых соединялись приставными лестницами. Чудненько. После того как нам пришлось карабкаться на башню Сютро, мне, конечно же, *очень* хотелось снова ползать по лестницам. Солнечные лучи проникали в пустое здание, подсвечивали облачка пыли и, преломляясь, превращались в миниатюрные радуги. Крыша у нас над головой пока оставалась нетронутой. Лестница на последнем ярусе лесов вела на площадку с металлической дверью.

Лу полезла первой. Она снова надела форму «Амтрака», чтобы потом не объяснять Нерону, откуда взялась рубашка с эмблемой «Мегамаркета электроники». Вторым поднимался я в обноски Перси Джексона. Моя валентинка¹⁰ Мэг прикрывала тылы. Совсем как в старые добрые времена на башне Сютро минус сто процентов Рейны Авилы Рамирез-Ареллано плюс сто процентов галлийки с татуировками.

¹⁰ Здесь Аполлон не только намекает на розовый наряд своей спутницы, но и цитирует название знаменитой песни «My funny valentine» из мюзикла «Babes in Arms». Песню исполняли многие популярные артисты, например Фрэнк Синатра.

Мэг останавливалась на каждом ярусе, чтобы чихнуть и вытереть нос. Лу старалась держаться подальше от окон, словно боялась, что оттуда выскочит Нерон с воплем «*Boare!*». (Насколько я помню, по-латински это значит «*By!*»). Давненько прошли те времена, когда я тусовался на «страшных» вечеринках Цицерона. Этот чувак любил накрыть голову тогой и, прикинувшись призраком, пугать своих гостей.)

Наконец мы добрались до металлической двери, на которой краской из баллончика была выведена по трафарету предупреждающая надпись «ВЫХОД НА КРЫШУ ЗАПРЕЩЕН». Я вспотел и запыхался. Лу же подъем, казалось, вовсе не утомил. Мэг задумчиво пнула кирпич, словно прикидывая, хватит ли у нее сил обрушить здание.

– План такой, – сказала Лу. – Я точно знаю, что у Нерона есть камеры на офисном здании через дорогу. Оно ему принадлежит. Мы выскочим из-за этой двери, и ведущие наблюдение ребята получают четкие кадры с нами на крыше.

– Напомни-ка: почему мы этому рады? – спросил я.

Лу что-то пробормотала, возможно моля кельтских богов, чтобы они отвесили мне подзатыльник.

– Потому что мы хотим, чтобы Нерон увидел именно то, что нам нужно. Мы разыграем спектакль.

– Как в поезде, – кивнула Мэг.

– Именно, – подтвердила Лу. – Сначала выбежите вы вдвоем. Немного погодя появлюсь я, и это будет выглядеть так, будто я наконец загнала вас в угол и собираюсь убить.

– Но понарошку, – с надеждой проговорил я.

– Все должно выглядеть убедительно, – сказала Лу.

– У нас получится. – Мэг, сияя от гордости, повернулась ко мне. – Ты видел, как мы дрались в поезде, Лестер, и это без подготовки. Знаешь, что было, когда я жила в башне? Лу помогала мне устраивать фальшивые, но очень крутые бои, чтобы отец – то есть Нерон, – думал, что я убила своих противников.

Я изумленно уставился на нее:

– Убила. Противников.

– Ну, там, слуг, пленников или просто тех, кто ему не нравился. Мы с Лу все заранее планировали. Я притворялась, что их убиваю – бутафорская кровь, все дела. Потом Лу утаскивала их с арены и отпускала. Когда они умирали, все выглядело совсем по-настоящему, Нерон ни разу ничего не заподозрил.

Я не знал, что ужасало меня больше: оговорка Мэг, назвавшей Нерона отцом, или что Нерон ради собственного развлечения заставлял маленькую падчерицу убивать пленников, или что Лу действовала за его спиной и помогала инсценировать смертельную схватку, чтобы пощадить чувства Мэг, вместо того чтобы... ну... не знаю... сразу отказаться выполнять за Нерона грязную работу и вытащить Мэг из этого жуткого места.

«А сам-то ты чем *лучше*? – зазвучал язвительный голосок у меня в голове. – *Часто ли ты решался сказать Зевсу хоть слово против?*»

Что ж, голосок, ты прав. Тиранам нелегко противостоять – как нелегко и уйти от них, особенно когда ты всецело от них зависишь.

Во рту появилась горечь, и я сглотнул:

– Какова моя роль?

– Биться будем в основном мы с Мэг. – Лу подняла арбалет. – Аполлон, тебе нужно держаться поблизости и дрожать от страха.

– Это я могу.

– Когда я сделаю вид, что вот-вот убью Мэг, ты должен закричать и напасть на меня. Я слышала, иногда на тебя нисходит божественная сила.

– Я не могу призвать ее по желанию!

– И не нужно. Притворись. Ударь меня изо всех сил, столкни с крыши. Я поддамся.
Я заглянул за металлические перила:

– Мы на десятом этаже. И это не шутка, потому что... здесь десять этажей.

– Да, – кивнула Лу. – Примерно так. Меня не так-то легко убить, малыш Лестер. Конечно, я заработаю пару переломов, но если повезет – выживу.

– Если повезет? – В голосе Мэг вдруг поубавилось уверенности.

В свободной руке Лу возник меч:

– Нам придется рискнуть, Росточек. Нерон должен поверить, что я приложила все усилия, чтобы поймать тебя. Если он что-то заподозрит... В общем, этого нельзя допустить. – Она повернулась ко мне. – Готов?

– Нет! – мотнул головой я. – Ты так и не объяснила, как Нерон собирается сжечь город и что нам делать, когда мы окажемся в плену.

Ярость, появившаяся на лице Лу, была неподдельной. Я прямо-таки *поверил*, что ей хочется меня убить.

– У него есть греческий огонь. Больше, чем у Калигулы. Больше, чем кто-либо когда-либо решался накопить. И налажена какая-то система его подачи. Подробностей я не знаю. Но как только он почует неладное, то нажмет на кнопку – и всему конец. Вот почему нам нужен этот сложный спектакль. Нужно провести тебя к нему так, чтобы он не заподозрил обмана.

Меня снова начала бить дрожь. Я посмотрел на бетонный пол и представил, как он рассыпается, исчезая в пучине зеленого огня.

– Так что будет, когда нас поймают?

– Вас посадят в камеры, – сказала Лу. – Совсем рядом с хранилищем, где Нерон держит свои *фасции*.

Я воспрянул духом – совсем чуть-чуть. Не то чтобы эта новость в корне меняла дело, но теперь план Лу хотя бы казался чуть менее безумным. Фасции императора, золотые топоры, символизирующие его власть, связаны с жизненной силой Нерона. В Сан-Франциско, уничтожив фасции Коммода и Калигулы, мы сумели ослабить императоров настолько, что убили их. Если удастся сделать то же с Нероном...

– Значит, ты выпустишь нас из камер, – догадался я, – и проведешь в хранилище.

– Суть такая. – Лу помрачнела. – Конечно, фасции охраняет... нечто ужасное.

– Что? – спросила Мэг.

Замешательство Лу испугало меня больше, чем имя любого монстра, которое она могла назвать.

– Об этом потом. Будем разбираться с нерешаемыми проблемами по одной.

И вновь я был согласен с галлийкой. Это настораживало.

– Ладно, – сказала она. – Лестер, когда столкнешь меня с крыши, вы с Мэг должны как можно быстрее добраться до Лагеря полукровок и собрать отряд полубогов, который пойдет по туннелям. Люди Нерона будут наступать вам на пятки.

– Но у нас нет машины.

– Точно. Чуть не забыла. – Лу посмотрела на свой ремень, словно хотела что-то снять с него, но потом вспомнила, что руки у нее заняты оружием. – Росточек, залезь-ка в мою сумку.

Мэг открыла небольшой кожаный мешочек – и вскрикнула, увидев, что было внутри. Она достала это нечто и крепко зажала в кулаке, не дав мне посмотреть.

– Правда?! – Она заскакала на месте от восторга. – Можно?!

Лу усмехнулась.

– Почему бы и нет? Это особый случай.

– Ура! – взвизгнула Мэг и сунула это неизвестно что в сумочку у себя на пояс.

Я чувствовал, что упустил что-то важное:

– Э-э, а что...

– Хватит болтать, – сказала Лу. – Готов? Бегом!

Я был не готов, но мне так часто приказывали бежать, что мое тело среагировало моментально. И мы с Мэг выскочили за дверь.

Мы бросились бежать по блестящему гудроновому покрытию, петляя между вентиляционных отверстий и спотыкаясь о шатающиеся кирпичи. Как ни прискорбно, вжиться в роль мне оказалось легче легкого. В ужасе и отчаянии спастись бегством? За последние полгода у меня была масса возможностей отрепетировать эту сцену.

Лу взревела и кинулась за нами. У самого моего уха просвистели два арбалетных болта. Играть «кровожадную галлийку» у нее получалось очень достоверно. Сердце, казалось, выскочило у меня из груди и забилося в горле, словно мне и впрямь грозила смертельная опасность.

Крыша кончилась слишком быстро: миг – и я уже на краю. Внизу простиралась улица, и только кирпичная ограда по пояс высотой отделяла меня от стофудовой пропасти. Я развернулся – и завопил: прямо мне в лицо неся клинок Лу.

Я выгнулся назад – но не успел, и ее меч оставил у меня на лбу тонкую царапину.

Раздался яростный крик, и рядом возникла Мэг. Она отразила следующий удар галлийки и заставила ее развернуться. Лу бросила арбалет, в ее руке появился второй меч, и воительницы-димахеры закружились в неистовой схватке, размахивая клинками, будто сошедшие в поединке кунг-фу два кухонных комбайна.

Остолбенев, я наблюдал за ними, не чувствуя боли. Станный теплый дождь стекал по моему лицу. Я вытер глаза, посмотрел на свои пальцы и понял: никакой это не дождь. Не бывает дождя ярко-красного цвета.

Мэг молотила мечами, тесня галлийку-великаншу. Лу пнула ее в живот, и Мэг зашаталась.

От шока мое сознание заволокло вязким туманом, и мысли еле-еле ворочались, но мне удалось припомнить, что и у меня есть роль в разыгрываемом представлении. Что я там должен сделать, после того как закончу бегать и дрожать от страха?

Ах да. Сбросить Лу с крыши.

В груди у меня забулькал смехок. Глаза заливала кровь. Руки и ноги были как воздушные шарики с водой: теплые, дрожащие и готовые в любой момент лопнуть. Но, конечно, никаких проблем: я просто скину огромную, мастерски владеющую мечом воительницу с крыши.

Пошатываясь, я двинулся вперед.

Лу сделала выпад и левым мечом ранила Мэг в бедро. Мэг вскрикнула, споткнулась, но успела скрестить мечи, чтобы отразить следующий удар Лу, который рассек бы ей голову пополам.

Стоп. *Не может* такой бой быть постановкой. В глазах галлийки пылала неподдельная ярость.

Лу нас обманула, и Мэг на самом деле в опасности.

У меня внутри заклокотал гнев. Волна жара иссушила туман и наполнила меня божественной силой. Я заревел, как священный бык Посейдона на алтаре (уж поверьте, эти быки не слишком покорно идут на заклятие), и бросился на Лугусельву. Она обернулась, глядя на меня широко распахнутыми глазами, но защиту выставить не успела. Я обхватил ее за талию и, подняв над головой с такой легкостью, будто это медбол¹¹, швырнул ее за край ограждения.

Я перестарался. Вместо того чтобы рухнуть на дорогу, она пролетела над крышами целый квартал – и исчезла. Миг спустя в далеком каньоне Первой авеню звякнул металл и сердито забибикала автомобильная сигнализация.

¹¹ Медбол, или медицинский мяч, – набитый песком или опилками мяч для занятий спортом. В отличие от обычного мяча, не отскакивает от поверхностей, используется для выполнения различных упражнений.

Моя сила иссякла. Я закачался и рухнул на колени, по лицу текла кровь.

Спотыкаясь, ко мне подошла Мэг. Ее новые белые легинсы пропитались кровью из раны на бедре.

– Твоя голова, – тихо проговорила она.

– Знаю. Твоя нога.

Порывшись в садовничьих сумочках, она достала два мотка марли. Чтобы остановить кровь, мы перебинтовали друг друга, стараясь пробудить в себе способности к мумификации. У Мэг дрожали пальцы. В глазах у нее стояли слезы.

– Прости, – сказал я. – Я не хотел кидать Лу так далеко. Просто я... мне показалось, что она по-настоящему хочет тебя убить.

Мэг бросила взгляд в направлении Первой авеню.

– Все нормально. Она сильная. С ней... с ней наверняка все хорошо.

– Но...

– Болтать нет времени. Пошли. – Она схватила меня за запястье и подняла.

Каким-то чудом нам удалось вернуться назад, не заблудившись, спуститься по лесам и лестницам и выбраться из пустого здания. К тому моменту, когда мы доковыляли до ближайшего перекрестка, сердце у меня в груди колотилось как попало, словно форель, бьющаяся в агонии на дне лодки. (Тьфу-ты. Прицепились ко мне эти Посейдоновы штучки.)

Я представил, как к нам, громохоча, несется вереница блестящих черных внедорожников и окружает нас, чтобы взять в плен. Если Нерон действительно видел, что произошло на крыше, их прибытие – лишь вопрос времени. Мы устроили для него знатное шоу. И ему точно захочется получить наши автографы, а потом и наши головы на серебряном блюде.

На углу Восемьдесят первой и Первой улиц я пригляделся к машинам. Германцев по близости пока не наблюдалось. И монстров тоже. Не было ни полицейских, ни мирных жителей, кричащих, что они видели, как с неба рухнула галльская воительница.

– Что дальше? – спросил я, искренне надеясь, что у Мэг есть на это ответ.

Из мешочка на ремне Мэг достала предмет, полученный от Лу, – блестящую золотую римскую монету. Несмотря на все случившееся, я заметил радостный огонек в глазах своей юной подруги.

– Я вызову такси, – ответила она.

Меня обдало холодной волной страха: я понял, о чем она говорит. Стало ясно, зачем Лугусельва дала ей эту монету, и какая-то часть меня пожалела, что не закинула галлийку на пару кварталов подальше.

– Только не это! – взмолился я. – Только не их. Не их!

– Они клевые, – настаивала Мэг.

– Никакие они не клевые! Они ужасные!

– Только им такое не говори, – сказала Мэг, а потом бросила монетку на дорогу и закричала на латыни: – *Стой, проклятая колесница!*

Глава 7

*Проклятая колесница,
Почто встали мы здесь?
Приложением не пользуюсь*

Можете считать меня суеверным. Но если вы решили вызвать колесницу, возможно, есть смысл выбрать ту, которую не называют *проклятой*.

Монетка Мэг коснулась тротуара и, вспыхнув, исчезла. В тот же миг кусок асфальта размером с автомобиль превратился в кипящую лужу из крови и гудрона. (По крайней мере, так показалось со стороны. Проверять, что именно там кипело, я не стал.)

Из жижи, словно субмарина, всплывшая на поверхность, появилось такси. Это было обыкновенное нью-йоркское такси, только не желтое, а серое – цвета праха, могильных плит и, вероятно, моего лица в тот момент. На двери было написано «СЕДЫЕ СЕСТРЫ». На водительском месте рядом сидели именно они – три старые карги (прошу прощения: *три сестры в самом расцвете лет*).

Пассажирское окно опустилось, из него высунулась старушечья голова и прокаркала:

– Подбросить?

Она была такой же милашкой, какой я ее запомнил: лицо, похожее на резиновую маску, какие надевают на Хеллоуин, зияющие кратеры вместо глаз и льняное покрывало, все в паутине, на жестких седых волосах.

– Привет, Буря, – вздохнул я. – Давно не виделись.

Она наклонила голову набок:

– Кто это? Не узнаю твой голос. Подбросить или как? У нас и другие заказы есть!

– Это я, – со стыдом признался я. – Бог Аполлон.

Буря принялась. Причмокнула губами, провела языком по единственному желтому зубу:

– Голос у тебя не как у Аполлона. Пахнешь не как Аполлон. Дай-ка я тебя укушу.

– Э-э, нет, – отказался я. – Придется поверить мне на слово. Нам нужно...

– Постой-ка. – Мэг изумленно посмотрела на меня. – Ты знаком с Седыми сестрами?

Она сказала это таким тоном, словно я специально скрывал это от нее – как если бы я знал всех трех основательниц группы «Бананарама» и до сих пор не взял для нее автограф. (Историю о группе «Бананарама»¹² – о том, как я познакомил их с настоящей Венерой, чем вдохновил на создание их самого популярного кавер-хита, – я расскажу как-нибудь в другой раз.)

– Да, Мэг, – ответил я. – Я бог. И у меня много связей.

– Ты не пахнешь как бог, – проворчала Буря. И, повернувшись к сидящей слева сестре, заорала: – Глянь-ка, Оса, кто этот парень?

Средняя сестра протиснулась к окну. Выглядела она в точности как Буря – различить их сумел бы разве что тот, кто знал их тысячи лет, а я, увы, вхожу в эту категорию, – однако сегодня ей достался единственный глаз троицы: скользкий белесый шар, глядящий на меня из глубины ее левой глазницы.

Встреча с ней меня не обрадовала, но еще больше не радовало то, что раз этих двух сестер я уже увидел, значит, такси ведет третья сестра – Злоба. А если за рулем Злоба – хорошего не жди.

¹² Bananarama – британское женское трио, главным хитом которого стала кавер-версия песни «Venus» («Венера») группы «Shocking Blue».

– Это какой-то смертный мальчишка с кровавой банданой на голове, – рассмотрев меня, объявила Оса. – Ничего интересного. Никакой он не бог.

– Вот сейчас было обидно, – сказал я. – Это *правда* я. Аполлон.

– А это важно? – развела руками Мэг. – Я заплатила монету. Можно мы сядем?

Вы можете подумать, что Мэг права. Зачем мне раскрывать себя? Дело в том, что простых смертных Седые сестры к себе в такси не пускают. И, учитывая наши с ними отношения, лучше было сразу сообщить старухам, кто я такой, чем ждать, что они сами догадаются об этом в дороге и выбросят меня из машины прямо на ходу.

– Дамы, – обратился к ним я (в общих чертах это слово подходило). – Возможно, я не похож на Аполлона, но заверяю вас: это я, заключенный в тело смертного. Иначе откуда я столько о вас знаю?

– Что, например? – гаркнула Буря.

– Нектар вы предпочитаете со вкусом крем-карамель, – начал перечислять я. – Из Битлов больше всего любите Ринго. Много столетий вы втроем с ума сходили от Ганимеда, но теперь вам нравится...

– Это Аполлон! – завопила Оса.

– Точно Аполлон! – взвыла Буря. – Противный! Всезнайка!

– Впустите меня, и я заткнусь, – заверил я.

Такое я предлагаю не часто.

Щелкнул замок – задняя дверь открылась, и я придержал ее, пропуская Мэг.

Она улыбнулась:

– А кто им сейчас нравится?

«Потом расскажу», – одними губами ответил я.

Усевшись, мы пристегнулись черными цепями, которые служили здесь ремнями безопасности. Сиденье оказалось примерно таким же удобным, как мешок, набитый столовым серебром.

Сидящая за рулем Злоба буркнула:

– Куда?

Я начал:

– Лагерь...

Злоба ударила по газам. Моя голова вжалась в спинку сиденья, а Манхэттен превратился в мутное светящееся пятно. Оставалось надеяться, что Злоба поняла, что я имел в виду Лагерь *полукровок*, иначе мы в итоге могли оказаться в Лагере Юпитера, резиденции Кэмп-Дэвид¹³ или на острове Кампобелло¹⁴ в провинции Нью-Брансуик, хотя, наверное, туда Седые сестры обычно не возят.

Вспыхнул экран встроенного в такси телевизора. Из динамиков на полной мощности грянул оркестр и загрохотал записанный зрительский смех.

– Каждый вечер в одиннадцать! – объявил диктор. – Смотрите... «Вечернее шоу с Талией»!

Я мигом ткнул в кнопку выключения.

– А мне нравится реклама, – возмутилась Мэг.

– От рекламы мозги гниют, – сказал я.

На самом деле когда-то «Вечернее шоу с Талией» было моей любимой передачей. Талия (муза комедии, а не наша соратница, полубогиня Талия Грейс) десятки раз приглашала меня выступить в качестве музыкального гостя. Я сидел на диване, обменивался с ней шуточками,

¹³ Кэмп-Дэвид – загородная резиденция президента США.

¹⁴ Кампобелло – канадский остров на границе с США.

играл в ее дурацкие игры вроде «Покарай этот город!» или «Телефонный пранк с пророчеством». Но теперь напоминания о прошлой божественной жизни были мне неприятны.

Не то чтобы я по ней скучал – мне... Да, я это скажу. Мне было *стыдно* за то, какие вещи я когда-то считал важными. Рейтинги. Почитатели. Расцвет и падение цивилизаций, которые больше всего любили меня. Разве это может сравниться с тем, чтобы защитить своих друзей?! Нью-Йорк *не может* сгореть. Малышка Эстель Блофис должна вырасти, чтобы смеяться до упаду и покорить всю планету. А Нерон должен заплатить. Не может быть, чтобы я сегодня утром едва не лишился лица и швырнул Лугусельву так, что она, пролетев два квартала, рухнула на припаркованную машину, – и все это впустую.

Несмотря на мое мрачное настроение и раненую ногу, Мэг оставалась невозмутимой.

Лишенная рекламы, она откинулась на спинку и смотрела, как, мелькая, сменяются за окном расплывчатые виды – сначала Ист-Ривер, затем Куинс, – проносящиеся со скоростью, о которой смертные пассажиры могут лишь мечтать... а мечтать им, будем откровенны, приходится о любой скорости, превышающей десять миль в час. Злоба, совершенно слепая, вела автомобиль, а Оса то и дело выкрикивала указания:

– Налево. Тормози. Налево. Нет, другое лево!

– Так круто! – восхитилась Мэг. – Обожаю это такси.

Я нахмурился:

– Тебе часто случалось ездить на такси Седых сестер?

Тон у меня был такой, каким запросто можно было спросить: «Тебе что, нравится делать домашку?»

– Это было мне наградой, – объяснила Мэг. – Когда Лугусельва считала, что я очень постаралась на тренировке, мы шли кататься.

У меня не укладывалось в голове, что кто-то мог считать подобную поездку желанной наградой. Воистину, императорский двор – порочное, зловещее место.

– У девчонки хороший вкус! – крикнула Оса. – По Нью-Йорку лучше нас никто не возит! Не доверяйте всяким сервисам, где предлагают взять попутчиков! Там почти везде гарпии, причем без лицензий!

– Гарпии! – взвыла Буря.

– Воруют у нас бизнес! – поддакнула Злоба.

Я тут же представил себе нашу подругу Эллу за рулем машины. И почти обрадовался, что сижу в этом такси. Почти.

– К тому же мы улучшили сервис! – похвасталась Буря.

Я заставил себя посмотреть ей в глазницы:

– Это как же?

– Вы можете воспользоваться нашим приложением! – сказала она. – И больше не нужно вызывать нас золотыми монетами! Она указала на значок на плексигласовой перегородке. Оказывается, теперь я мог привязать любимое магическое оружие к их такси и оплачивать поездки виртуальными драхмами с помощью какой-то штуки, которая называется «СЕРАЯ ТАКСА».

Я вздрогнул при мысли о том, что могла бы устроить Стрела Додоны, разреши я ей делать онлайн-покупки. Если бы после этого мне все же выпал шанс вернуться на Олимп, я бы обнаружил, что мои счета заморожены, а дворец заложен, потому что стрела скупила все первые фолио¹⁵ Шекспира, которые только сумела разыскать.

– Я уж лучше наличными, – сказал я.

Оса заворчала, обращаясь к Злобе:

– Это все ты и твои предсказания. Я же говорила, что приложение – дурацкая затея.

¹⁵ Первое фолио – первое собрание пьес Шекспира.

– Подбирать на обочине Аполлона – затея еще глупее, – пробурчала та в ответ. – А это было *твое* предсказание.

– Обе вы дуры! – рявкнула Буря. – Вот вам *мое* предсказание!

Я начал припоминать, откуда взялась наша давняя взаимная неприязнь с Седыми сестрами. Проблема была не только в том, что они мерзкие уродины, грубиянки и воняют могильной гнилью. И не в том, что у них на троих всего один глаз, один зуб и никаких навыков общения. И даже не в том, что они то и дело западают на какую-нибудь знаменитость и совершенно не умеют это скрывать. Во времена Древней Греции они обожали меня: неприятно, конечно, но хотя бы объяснимо. Потом – представьте себе – они меня разлюбили. Следующие несколько столетий они состояли в фан-клубе Ганимеда. Меня так достали их посты в Инстабоге о том, какой же он красавчик, что в конце концов я не сдержался и оставил едкий комментарий. Знаете мем, где изображена банка меда в форме мишки с надписью: «Милая, он гей»?¹⁶ Да, это я его сделал. И в случае с Ганимедом никакого открытия в этом не было.

Теперь же они с ума сходили по Деймосу, богу страха, и я вообще не понимал, что они в нем нашли. Конечно, он накачанный, и глаза у него красивые, но...

Стоп. А к чему я это все?

Ах да. Причина наших разногласий с Седыми сестрами – профессиональная ревность.

Я бог прорицаний. Седые сестры тоже предсказывают будущее, но не работают под моим началом. Не признают моих заслуг, не платят роялти – ничего такого. Свою мудрость они получили от... Честно говоря, я не знаю. Ходили слухи, что их родителями были первородные морские божества, которые возникли из пены, и прилив доносил им какие-то частицы мудрости и пророчеств. Как бы то ни было, мне не нравится, что они вторгаются на мою территорию, и они по какой-то необъяснимой причине тоже меня не любят.

Их предсказания... Погодите-ка. Я порылся в памяти.

– Вы сказали, что *предвидели*, что будете меня подвозить?

– Ха! – воскликнула Буря. – Интересно ему!

Злоба загоготала:

– Станем мы тебе выдавать доггерели на твой счет...

– Заткнись, Злоба! – Оса дала ей тумака. – Он еще не просил!

Тут оживилась Мэг:

– У вас есть для Аполлона хот-доги гриль?

Я тихонько выругался. Было ясно, к чему идет дело. Седые сестры обожают туманные предсказания. Им нравится, когда пассажиры умоляют рассказать, что им известно о будущем. Но на самом деле старым кошелкам страсть как хотелось поделиться своим знанием.

В прошлом каждый раз, когда я соглашался выслушать их так называемые пророческие стихи, они сообщали о том, что будет у меня на обед, или выдавали экспертное мнение, на кого из Олимпийских богов я больше всего похож. (Спойлер: вариант «Аполлон» не встретился ни разу.) Они не давали мне покоя просьбами разобрать их предсказания и умоляли, чтобы я показал их стихи своему литературному агенту. Брр.

Я не знал, какие новости у них припасены для меня на этот раз, но доставлять им удовольствие и интересоваться этим я не собирался. У меня и так полно пророческих стихов, с которыми нужно разобраться, причем *настоящих*.

– Доггерель, – объяснил я Мэг, – это несколько неравносложных поэтических строчек с неустойчивым ритмом. Но такие точные термины ни к чему: эта троица устойчивостью вообще не отличается.

– Тогда мы тебе ничего не скажем! – пригрозила Оса.

– Никогда не скажем! – поддакнула Злоба.

¹⁶ Такой мем Рик Риордан запостил у себя в Твиттере в ответ на просьбу подписчицы назвать подружку Нико в ее честь.

– Я и не просил, – любезно ответил я.

– Я хочу послушать про хот-доги гриль, – сказала Мэг.

– Нет, не хочешь, – заверил я ее.

За окном размытый Куинс сменился окраиной Лонг-Айленда. Седые сестры на переднем сиденье едва не тряслись от нестерпимого желания выпалить свое предсказание.

– Это очень важные слова! – заявила Оса. – Но ты никогда их не услышишь!

– Ладно, – согласился я.

– Тебе нас не заставить! – сказала Буря. – Хотя от них и зависит твоя судьба!

У меня мелькнула тень сомнения. Неужели... Нет, это просто невозможно. Пойди я у них на поводу – и они скорее всего вывалят на меня свое никому не нужное мнение о том, какая косметика лучше всего сочетается с оттенком моего лица.

– Я на это не куплюсь, – отрезал я.

– А мы ничего и не продаем! – взвизгнула Оса. – Эти строчки слишком важны, и мы сказали бы тебе, только если бы ты угрожал нам страшными карами!

– Не буду я вам угрожать...

– Он нам угрожает! – взмахнула руками Буря и отвесила Осе такой подзатыльник, что их общий глаз тут же выскочил у нее из глазницы. Оса поймала его и, неловко замешкавшись, бросила за спину, прямо мне на колени.

Я заорал.

Сестры заорали тоже. Злоба, лишившись штурмана, описывала по дороге зигзаги, отчего мой желудок забросило в пищевод.

– Он украл наш глаз! – верещала Буря. – Мы ослепли!

– Неправда! – вопил я. – Какая мерзость!

Мэг едва не пищала от восторга:

– КАК! ЖЕ! КРУТО!

– Уберите его!

Я вертелся и изгибался, надеясь, что глаз куда-нибудь укатится, но он упрямо лежал у меня на коленях, укоризненно пялясь мне в лицо взглядом дохлого сома. От Мэг не было никакой помощи. Она явно не хотела испортить этот крутой момент, когда мы мчались быстрее скорости света и должны были вот-вот расшибиться в лепешку.

– Он раздавит наш глаз, – выла Злоба, – если мы не прочтем стихи!

– Не раздавлю!

– Мы все умрем! – охала Оса. – Он псих!

– Я НЕ ПСИХ!

– Ладно, твоя взяла! – простонала Буря.

Она приосанилась и выразительно и громко, словно выступала для публики в Коннектикуте за десять миль от нас, продекламировала:

– *Сумеет Дэр на тайный путь взглянуть!*

Следом вступила Злоба:

– *И крах грядет; тот лев змеей объят!*

Оса закончила:

– *Иль принцепса ты трон не сможешь пошатнуть!*

Мэг захлопала в ладоши.

Я, не веря своим ушам, уставился на Седых сестер:

– Это никакой не доггерель. А терцина! Вы прочитали новую строфу нашего пророчества!

– Больше у нас для тебя ничего нет! – сказала Злоба. – Так что отдавай глаз, быстро. Мы почти у лагеря!

Мой шок сменился паникой. Если Злоба не сможет остановиться в нужном месте, мы ускоримся так, что пройдем точку невозврата и превратимся в яркий поток плазмы над Лонг-Айлендом.

Но эта перспектива все же пугала меня не так сильно, как необходимость прикоснуться к лежащему у меня на коленях глазу.

– Мэг! Салфетка есть?

– Слабак! – фыркнула она и, взяв глаз голыми руками, бросила его Злобе.

Та тут же впихнула его в глазницу, моргнула, посмотрев на дорогу, и с воплем «АЙ! АЙ! АЙ!» ударила по тормозам так, что мой подбородок впечатался в грудь.

Когда дым рассеялся, я увидел, что мы остановились на старой проселочной дороге за границей лагеря. Слева возвышался Холм полукровок, на вершине которого виднелось единственное дерево – большая сосна, а на ее нижней ветке поблескивало Золотое руно. Обвив ствол, на земле лежал дракон Пелей. Рядом с драконом, почесывая его за ухом, стоял мой старый заклятый друг Дионис – бог, покровительствующий всему, что бесит Аполлона.

Глава 8

*Я мистер А
Буду чинить туалеты
И вырублюсь*

Возможно, насчет последнего я погорячился.

Дионис покровительствовал другим вещам, например вину, вечеринкам после вручения «Оскара» и некоторым видам растений. Но для меня он навсегда останется доставучим младшим братом, который повсюду за мной таскался и копировал меня во всем, пытаясь привлечь мое внимание.

Наверняка это многим знакомо. Представьте: вы бог. Ваш младший брат канючит, чтобы папа и его *тоже* сделал богом, хотя это *ваша* фишка. У вас есть отличная колесница, запряженная огненными конями. Ваш младший брат выпрашивает себе собственную колесницу, запряженную леопардами. Вы крушите войска греков у стен Трои. Ваш младший брат отправляется в поход против Индии. Короче, как обычно.

Дионис стоял на вершине холма, словно ожидал нашего прибытия. Возможно, так оно и есть: он все-таки бог. Его поло с леопардовым принтом весьма неплохо сочеталось с Золотым руном, висящим на ветке у него над головой. А вот лиловые слаксы сочетались плохо. Возможно, когда-то давно я и дразнил его за дурной вкус в одежде. Но сейчас рисковать бы не стал.

К горлу подступил комок. Меня и так уже тошнило после поездки и импровизированной игры, где вместо мячика нужно было кидать глаз. Раненый лоб болел. В голове проносились новые строчки пророчества, озвученного Седыми сестрами. Я был не готов к новым переживаниям. Но встреча с Дионисом... Она обещает быть непростой.

Мэг захлопнула за собой дверь такси.

– Спасибо! – сказала она Седым сестрам. – В следующий раз расскажите про хот-дог!

Не попрощавшись и даже не попросив показать их стихи моему литературному агенту, Седые сестры погрузились в пучину красно-черного гудрона.

Мэг, прищурившись, посмотрела на вершину холма.

– Это еще кто? Мы с ним раньше не встречались. – В ее голосе звучала подозрительность, словно чужак вторгся на ее территорию.

– Это бог Дионис, – ответил я.

– Почему? – нахмурилась Мэг.

Возможно, она имела в виду «*Почему он бог?*», или «*Почему он там стоит?*», или «*Почему нам досталась такая жизнь?*». Все эти вопросы были одинаково уместными.

– Не знаю, – пожал плечами я. – Давай выясним.

Пока мы поднимались по склону, мне хотелось то истерически зарыдать, то расхохотаться. Судя по всему, это был шок. Еще даже обед не наступил, а день уже нельзя назвать простым. Правда, учитывая, что мы приближались к богу безумия, пришлось допустить, что, возможно, у меня психотический срыв или приступ мании.

Мне стало казаться, что я выпал из реальности. Я не мог сосредоточиться. Не знал, кто я, кем должен или хочу быть. Бодрящие вспышки божественной силы, гнетущие возвращения в хрупкое тело смертного, выбросы адреналина и приступы ужаса не прошли даром: эмоции накатывали на меня. Идти к Дионису в таком состоянии – значит нарываться на неприятности. Просто оказавшись рядом с ним, любой рискует усугубить свои ментальные проблемы.

Мы с Мэг добрались до вершины. Приветствуя нас, Пелей выпустил пар из ноздрей. Мэг обняла дракона за шею, хотя я бы на ее месте поостерегся. Драконы печально известны тем, что *не любят* обнимашек.

Дионис посмотрел на меня с ужасом и изумлением – примерно так я теперь смотрю на собственное отражение в зеркале.

– Значит, отец и правда сделал это с тобой, – сказал он. – Бессердечный *glámon*.

В переводе с древнегреческого *glámon* означает «старый потаскун» или что-то вроде того. Учитывая многочисленные любовные похождения Зевса, он, возможно, даже не считал бы это оскорблением.

Дионис схватил меня за плечи.

Я был не в состоянии вымолвить ни слова.

За последние полвека он совсем не изменился: пузатый коротышка средних лет с обвисшими щеками, красным носом и курчавыми черными волосами. Лишь фиолетовый оттенок в радужках его глаз намекал, что он больше, чем просто человек.

Остальные Олимпийцы не могли взять в толк, почему Дионис выбрал этот облик, хотя мог заполучить любую внешность. В древние времена он славился юношеской красотой, бросающей вызов гендерным условностям.

А я понимал. Дионис совершил преступление, погнавшись не за той нимфой (перевод: за нимфой, на которую положил глаз наш отец), и был наказан: он должен сто лет управлять этим лагерем. Ему запрещалось пить вино – величайшее из его изобретений – и появляться на Олимпе, за исключением дней, когда собирался совет по особым случаям.

В ответ Дионис решил выглядеть и вести себя так, как совсем не подобает богу: как ребенок, который отказывается заправлять рубашку, причесываться или чистить зубы, просто чтобы показать родителям, насколько ему плевать.

– Бедный, бедный Аполлон. – Он обнял меня. От его волос едва заметно пахло виноградной жвачкой.

От такого внезапного проявления сочувствия я чуть не расплакался... но тут Дионис отстранился, посмотрел на меня с расстояния вытянутой руки и самодовольно ухмыльнулся.

– *Вот теперь* ты понимаешь, как я был несчастен, – сказал он. – Наконец-то кому-то выпала кара хуже моей!

Я кивнул, подавив всхлип. Это был старый добрый Дионис, которого я знал и не сказать чтобы очень любил.

– Да. Здравствуй, брат. Это Мэг...

– Наплевать, – весело отмахнулся Дионис, не сводя с меня глаз.

– Пфф. – Мэг скрестила руки на груди. – Где Хирон? Он мне больше нравился.

– Кто? – спросил Дионис. – Ах он. Долгая история. Пойдем-ка в лагерь, Аполлон. Хочу поскорее показать тебя полубогам. Выглядишь ты просто *отвратительно!*

Мы шли по лагерю целую вечность. Похоже, Дионису очень хотелось, чтобы все меня увидели.

– Это мистер А, – говорил он всем новичкам, встречавшимся нам на пути. – Мой ассистент. Если будут какие-то жалобы или проблемы, скажем, туалет засорится, обращайтесь к нему.

– Хватит, а? – пробормотал я.

Дионис улыбнулся:

– Если я мистер Ди – ты вполне можешь быть мистером А.

– Он Лестер! – возмутилась Мэг. – И он *мой* ассистент.

Дионис не обратил на нее внимания.

– О, гляди-ка, еще одна стайка первоодков! Пойдем, я тебя представлю.

У меня подкашивались ноги. Голова болела. Если что мне и было нужно сейчас, так это обед, отдых, антибиотики и новая личность, причем не обязательно в таком порядке. Но пришлось тащиться за Дионисом.

Народу в лагере было гораздо больше, чем зимой, когда мы с Мэг впервые сюда попали. Тогда мы застали здесь лишь нескольких ребят, которые жили в лагере круглый год. Теперь же на лето сюда стекались потоки новичков, узнавших о своей полубожественной природе – десятки растерянных подростков со всего света, многих по-прежнему сопровождали нашедшие их сатиры. Некоторые полубоги, которым, очевидно, пришлось недавно сражаться с монстрами, были ранены даже серьезней, чем я; видимо, поэтому на нас с Мэг обращали намного меньше внимания, чем я ожидал.

Мы прошли по центральной лужайке, по краям которой стояли двенадцать домиков. Почти в каждом бурлила жизнь. Вышедшие к дверям старосты приветствовали новичков и помогали им сориентироваться. Больше всего забот оказалось у Джулии Файнголд из домика Гермеса: ей нужно было найти временные места для всех ребят, еще не признанных божественными родителями. Шерман Ян из домика Ареса рявкал на каждого, кто подходил к домику слишком близко, и предупреждал, что территория вокруг него заминирована. Неизвестно, шутил он или нет, но проверять никто не спешил. Юный Харли из домика Гефеста носился вокруг, улыбаясь до ушей и призывая новичков потягаться с ним в армрестлинге.

На другой стороне лужайки я заметил своих собственных детей – Остина и Кайлу, – но как бы мне ни хотелось с ними пообщаться, они были заняты: пытались уладить какой-то конфликт между охраняющими лагерь гарпиями и новичком, который, видимо, сделал что-то, что гарпиям не понравилось. До меня донесся голос Остина:

– Нет, вы не можете просто так взять и съесть новичка. Сначала он должен получить два предупреждения!

В этот разговор даже Дионис влезать не захотел. И мы пошли дальше.

Ущерб, нанесенный Колоссом Нерона во время зимней битвы, почти устранили, хотя несколько колонн в обеденном павильоне были сломаны. Между двумя холмами блестел новый пруд в форме гигантской ступни. Мы миновали волейбольную площадку, арену для сражений на мечах, земляничные поляны – и только тогда Дионис наконец сжалился надо мной и повел нас в штаб-квартиру лагеря.

По сравнению с греческими храмами и амфитеатрами четырехэтажный небесно-голубой дом в викторианском стиле, известный как Большой дом, выглядел странно, но казался уютным. Его белая отделка сверкала как глазурь на торте. Флюгер в форме бронзового орла лениво покачивался на ветру. На веранде за карточным столом сидели, попивая лимонад, Нико ди Анджело и Уилл Солас.

– Папа! – Уилл вскочил на ноги, сбежал по ступенькам и стиснул меня в объятиях.

И тут я не выдержал и зарыдал не таясь.

Мой прекрасный сын с добрыми глазами, руками целителя, излучающий тепло словно солнышко. Каким-то образом он унаследовал все мои лучшие качества, не взяв ни одного худшего. Он отвел меня на веранду и настоял, чтобы я сел на его место. Затем впихнул мне в руки холодный стакан с лимонадом и принялся хлопотать над моей раненой головой.

– Все нормально, – пробормотал я, хотя все понимали, что это не так.

Его парень Нико ди Анджело оставался в сторонке, наблюдал за нашим воссоединением, но держался в тени, что не редкость для детей Аида. Его темные волосы стали длиннее. Он был босиком, в потрепанных джинсах и футболке, какие носят обитатели лагеря, только черного цвета. Спереди на ней был изображен скелет пегаса с подписью «ДОМИК 13».

– Мэг, – сказал Нико, – садись на мое место. У тебя все ноги изранены. – Он сердито посмотрел на Диониса, словно тот был обязан вызвать для нас гольф-кар.

– Ладно, хорошо, садись. – Дионис безучастно указал на карточный стол. – Я пытался объяснить Уиллу и Нико правила пинокля. Но они безнадежны.

– О, пинокль! – оживилась Мэг. – Люблю пинокль!

Дионис, прищурившись, посмотрел на Мэг, словно она была собачкой, которая внезапно принялась декламировать Эмили Дикинсон¹⁷:

– Правда? Чудеса, да и только.

Нико встретился со мной взглядом, его глаза были черны как ночь.

– Так это правда? Что Джейсон...

– Нико, – с упреком проговорил Уилл, – не дави на него.

Кубики льда в моем стакане задрожали. Я не сумел выдать из себя ни слова, но, видимо, мое лицо сказало Нико все, что он хотел знать. Мэг протянула Нико руку, и он обхватил ее ладонями.

Нельзя сказать, чтобы он разозлился. У него был такой вид, словно он получил удар в живот, причем не один: казалось, его били не переставая столько лет, что он почти перестал чувствовать боль. Он пошатнулся. Моргнул. А затем вздрогнул, отдернул руки от Мэг, словно его прикосновение было ядовитым и он внезапно об этом вспомнил.

– Я... – он осекся. – *Scusatemi*¹⁸. – Он сбежал по ступенькам и помчался по лужайке босиком, оставляя за собой след на пожухлой траве.

Уилл покачал головой:

– Он переходит на итальянский, только когда *очень* расстроен.

– Мальчику и без того хватало плохих новостей, – сказал Дионис, в голосе которого промелькнули скупые нотки сочувствия.

Я хотел спросить, что это еще за плохие новости. И извиниться за то, что доставил новые неприятности. И рассказать о тех грандиозных и впечатляющих неудачах, которые пережил с тех пор, как в последний раз видел Лагерь полукровок.

Вместо этого стакан с лимонадом выскользнул у меня из рук. И разбился о пол. Меня повело в сторону, и я начал падать в длинный темный туннель. Издалека до меня донесся голос Уилла:

– Папа! Помогите!

И я провалился в беспамятство.

¹⁷ Эмили Дикинсон – американская поэтесса XIX века.

¹⁸ Извините (*итал.*).

Глава 9

*На завтрак блины,
Жженный йогурт
И безумие*

Дурные сны?
Конечно, почему бы и нет!

Меня мучили заикленные, как «бумеранги» в Инстаграме, видения – короткие сцены, проигрывающиеся снова и снова: Лугусельва летит над крышами. Амфисбена растерянно смотрит на меня, после того как ее шею пригвоздили к стене два арбалетных болта. Глаз Седых сестер падает мне на колени и лежит там словно приклеенный, не желая скатываться.

Я постарался направить сон в более мирное русло: представить любимый пляж на Фиджи; торжества, которые в древности устраивали в мою честь в Афинах; концерт 1930 года в «Коттон-клуб»¹⁹, где я играл вместе с Дюком Эллингтоном²⁰. Ничего не вышло.

Вместо этого я оказался в тронном зале Нерона.

Он занимал весь верхний этаж его башни. Со всех сторон – стеклянные стены, за которыми простираются шпили Манхэттена. Посреди зала на мраморном возвышении стоял безвкусный, обитый пурпурным бархатом трон-диван, на котором, развалившись, сидел император. Дионис мог бы позавидовать его пурпурной атласной пижаме и банному халату тигровой расцветки. Золотой лавровый венец на голове Нерона сидел криво, отчего хотелось подровнять разросшуюся бороду, которая обвила его шею подобно ремню.

Слева от него выстроились в линию молодые ребята, как я понял – полубоги: такие же приемыши в императорской семье, как и Мэг. Всего я насчитал одиннадцать человек, примерно от восьми до восемнадцати лет, стоящих по росту. Отделанные пурпуром тоги, надетые поверх разномастной повседневной одежды, подчеркивали их царский статус. Лица ребят являли результаты жестокого воспитания Нерона. Младшие смотрели на него с изумлением, страхом и благоговением, как на героя. Те, что чуть постарше, выглядели сломленными и травмированными, их глаза были пусты. Свои чувства – гнев, обиду и ненависть к себе – подростки старательно скрывали, следя, чтобы Нерон не принял их на свой счет. Самые старшие были миниатюрными версиями императора – циничными, безжалостными, жестокими юными социопатами.

Было невозможно представить среди них Мэг Маккаффри. И все же я не мог не задаваться вопросом, в какую из этих категорий она бы попала, если бы была сейчас здесь.

В тронный зал вошли двое германцев, с трудом тащивших носилки, на которых лежало крупное покаленное тело Лугусельвы. Когда они опустили ее у ног Нерона, Лу жалобно застонала. Ну, она хотя бы жива.

– Охотница вернулась с пустыми руками, – ухмыльнулся Нерон. – Значит, план Б. Ультиматум. Сорока восьми часов будет достаточно. – Он повернулся к приемным детям. – Луций, удвой охрану возле чанов. Эмилия, отправь приглашения. И закажи торт. Какой-нибудь посимпатичнее. Не каждый день выпадает возможность уничтожить город размеров Нью-Йорка.

Я во сне провалился сквозь этажи башни прямо в недра земли.

И оказался в просторной пещере. Я догадывался, что нахожусь где-то под Дельфами, рядом с самым священным своим Оракулом, потому что бульон вулканических испарений,

¹⁹ «Коттон-клуб» («Хлопковый клуб») – нью-йоркский ночной клуб первой половины XX века.

²⁰ Дюк Эллингтон – американский джазовый музыкант.

клубящихся вокруг, источал запах, который ни с чем в мире не спутаешь. Я слышал, как где-то во тьме по каменному полу скользит тело моего злейшего врага Пифона.

– Ты все еще не понял, – зарокотал его низкий голос. – Ах, Аполлон, как же мал и ушибен твой мозг! Ты мечешься, сбиваешь фигуры – но ни разу не взглянул на доску целиком. Всего несколько часов – после того как упадет последняя пешка, больше не понадобится. А ты сделаешь за меня всю работу! – Его смех был похож на взрыв, проникающий глубоко в камень, чтобы разрушить гору.

Волны страха накатывали на меня одна за другой, пока я не смог больше дышать.

Я проснулся с таким ощущением, будто несколько часов пытался выбраться из тесного каменного кокона. Каждая мышца в теле болела.

Хоть бы раз проснуться свежим, насладившись сном об обертываниях водорослями и педикюре в компании Девяти Муз! Как же я скучал по тем десятилетним зависаниям в спа! Но нет. Вместо этого мне являлись глумливые императоры и хохочущие рептилии.

Я сел: голова кружилась, взгляд фокусировался с трудом. Я был на своей старой койке в домике имени меня. В окна лился солнечный свет – *утренний* свет? Неужели я спал так долго? У меня под боком ворчал и сопел в подушку кто-то теплый и пушистый. Сначала мне показалось, что это питбуль, хотя я помнил, что никакого питбуля вроде бы не заводил. Но заглянув под одеяло, я обнаружил, что это голова леопарда – без тела.

Наносекунду спустя я уже вопил, стоя на другом конце домика. С тех пор как я утратил божественные силы, это первый случай, когда я чуть не телепортировался.

– А, ты проснулся! – Из ванной комнаты в клубах пара вышел мой сын Уилл, с мокрых светлых волос капала вода, а вокруг талии было обмотано полотенце. На груди слева у него была татуировка с изображением солнца, которая показалась мне излишней: при взгляде на него любой понимал, что перед ним дитя солнечного бога.

Он замер, заметив панику в моих глазах:

– Что случилось?

«Ppp!» – прорычал леопард.

– Сеймур?

Уилл решительно подошел к моей койке и поднял голову леопарда, которую когда-то давно сделали чучелом и закрепили на доске, а Дионис заметил ее на какой-то гаражной распродаже и дал новую жизнь. Я вспомнил, что обычно Сеймур висел над камином в Большом доме, но это не объяснило, почему сейчас он жует подушку в моей постели.

– Ты что здесь делаешь?! – возмущенно спросил леопарда Уилл, а затем обратился ко мне: – Честное слово, это не я положил его тебе в кровать.

– Это я.

Рядом со мной возник Дионис.

Мои легкие были слишком измучены, чтобы я мог издать очередной вопль, но на несколько дюймов я точно отскочил.

Дионис одарил меня своей фирменной ухмылкой:

– Я подумал, что тебе может быть одиноко. Мне всегда спится лучше в обнимку с плюшевым леопардом.

– Спасибо, конечно. – Я бросил на него убийственный взгляд. – Но я предпочитаю спать один.

– Как хочешь. Сеймур, отправляйся обратно в Большой дом. – Дионис щелкнул пальцами, и голова леопарда исчезла из рук Уилла.

– Ну так что... – Дионис осмотрел меня с ног до головы. – Получше себя чувствуешь после девятнадцати часов сна?

Я понял, что стою перед ними в одних трусах. В этом бледном несуразном смертном теле, покрытом синяками и шрамами, я уж точно не похож на бога – скорее на личинку, которую выковыряли из земли палкой.

– Отлично я себя чувствую, – проворчал я.

– Чудесно! Уилл, сделай так, чтобы он выглядел прилично. Увидимся с вами обоими на завтраке.

– На завтраке? – изумленно переспросил я.

– Да, – кивнул Дионис. – Это когда едят блинчики. А я люблю блинчики. – И он исчез в сверкающем облачке виноградного аромата.

– Выпендрейщик, – пробормотал я.

Уилл рассмеялся:

– Ты и правда изменился.

– Когда уже все перестанут мне об этом говорить!

– Но это же хорошо.

Я снова взглянул на свое побитое тело:

– Как скажешь. Можно одолжить у тебя что-нибудь из одежды или мешок какой-нибудь?

Вот все, что вам нужно знать об Уилле Соласе: он приготовил для меня одежду. Когда он ездил в город в прошлый раз, то специально купил вещи, которые могут мне подойти.

– Я подумал, что в конце концов ты вернешься в лагерь, – объяснил он. – По крайней мере, надеялся на это. Мне хотелось, чтобы ты чувствовал себя здесь как дома.

Этого хватило, чтобы я снова разревелся. О боги, я был эмоционально разбит. Уилл оказался таким заботливым, и эту черту он унаследовал не от меня. Ею он обязан своей матери Наоми и ее доброму сердцу.

Я хотел обнять Уилла, но так как я стоял в одних трусах, а он – в полотенце, это было бы неловко. Вместо этого он похлопал меня по плечу.

– Сходи в душ, – посоветовал он. – Остальные отправились в поход рано утром, – он указал на пустые кровати, – но скоро они вернутся. Я тебя подожду.

Когда я помылся и переоделся – в новые джинсы и оливковую футболку с V-образным воротом, которые сели идеально, – Уилл наложил мне на лоб свежую повязку и дал аспирин, потому что болело у меня все. Я снова почувствовал себя почти человеком – в хорошем смысле этого слова, – и тут вдали протрубила раковина, призывая обитателей лагеря на завтрак.

На пороге мы столкнулись с Кайлой и Остином, которые возвращались из похода и вели за собой троих новичков. Снова были слезы и объятия.

– Ты вырос! – Кайла схватила меня за плечи сильными руками лучницы. От июньского солнца ее веснушки проступили ярче. Ее рыжие волосы с зелеными кончиками напомнили мне о конфетах-тыковках, популярных в Хеллоуин. – Стал минимум на два дюйма выше! Правда, Остин?

– Определенно, – согласился Остин.

Остин был джазовым музыкантом и обычно держался спокойно и невозмутимо, но сейчас он улыбнулся мне так, будто я исполнил соло, достойное Орнетта Коулмана²¹. Оранжевая лагерная футболка без рукавов открывала его темные руки. Косички у него на голове были заплетены вкруговую и напоминали следы, оставленные НЛО на полях.

– Дело не только в росте, – сказал он, – но и в том, как ты держишься...

– Кхм, – раздалось у него за спиной.

– Ах да. Простите, ребята! – Остин отступил в сторону. – Пап, в этом году у нас трое новеньких. Уверен, ты помнишь своих детей – Грейси, Джерри и Яна... Ребята, это Аполлон!

²¹ Орнетт Коулман – американский джазовый музыкант.

Непринужденный тон Остина словно говорил: «Я знаю, что ты понятия не имеешь, кто эти дети, которых ты зачал двенадцать или тринадцать лет назад и позабыл об этом – но не переживай, пап, я тебя прикрою».

Джерри был родом из Лондона, Грейси – из Айдахо, а Ян – из Гонконга. (Когда я был в Гонконге?) Все трое смотрели на меня потрясенно. Правда, в их глазах читалось скорее не «Вау, круто!», а «Да вы прикалываетесь». Я пробормотал какие-то извинения за то, что оказался ужасным отцом. Новички переглянулись и, видимо, пришли к молчаливому согласию избавить меня от этих мучений.

– Я умираю с голоду, – сказал Джерри.

– Ага! – подхватила Грейси. – В столовую!

И наша странная семейка отправилась на завтрак.

Ребята из других домиков тоже спешили к обеденному павильону. По дороге на холм я заметил Мэг, весело болтающую с братьями и сестрами из домика Деметры. Рядом с ней семенил ее маленький друг Персик, фруктовый дух в подгузнике. Выглядел он весьма довольным, поочередно взмахивал крыльями из листьев и цеплялся за ноги Мэг, стараясь привлечь ее внимание. В последний раз мы видели Персика в Кентукки, потому что появлялся он в основном только на природе, или если Мэг грозила серьезная опасность, или перед завтраком.

Мы с Мэг провели столько времени вместе, по большей части только вдвоем, что я почувствовал укол ревности, глядя на нее в окружении других друзей. Судя по всему, без меня она чувствовала себя неплохо. Я задумался: если я когда-нибудь смогу вернуться на Олимп – останется ли она в Лагере полукровок? И почему-то при мысли об этом мне стало грустно.

После кошмаров, пережитых при императорском дворе Нерона, она заслуживает мирной жизни.

Мне вспомнился сон, в котором переломанная Лугусельва лежала на носилках перед тронном Нерона. Признать это было тяжело, но, возможно, у нас с галлийкой есть кое-что общее. Мэг нужна семья получше, чем Лу или я. Но от этого думать о прощании с ней не становилось легче.

Прямо перед нами из домика Ареса, спотыкаясь, выбежал мальчишка лет девяти. Шлем скрывал его голову почти целиком. Он бросился догонять своих, и меч, слишком большой для него, волочился по земле, чертя змеящуюся линию.

– Новички совсем малыши, – пробормотал Уилл. – Неужели и мы были такими?

Кайли и Остин согласно кивнули.

– Между прочим, новички все слышат, – проворчал Ян.

Мне хотелось сказать им, что все они просто малыши. Годы их жизни – лишь мгновение по сравнению с тысячелетиями моей. Мне нужно бы кутать их в теплые одеяла и угощать печеньками, а не ждать, что они станут героями и будут убивать монстров и покупать мне одежду.

Правда, вот Ахиллес отправился на Троянскую войну, когда еще даже не начал бриться. За долгие века я видел, как множество героев отважно шагают навстречу гибели... Подумав об этом, я ощутил себя старым, как зубной прорезыватель Кроноса.

После жизни в Двенадцатом легионе в Лагере Юпитера, где приемы пищи подчинены установленному распорядку, завтрак в обеденном павильоне поверг меня в шок. Старосты объясняли правила рассадки (какими бы они ни были), вернувшиеся с каникул ребята пытались отвоевать себе местечко рядом с друзьями, а новички старались не убить ни себя, ни друг друга своим новым оружием. В толпе сновали дриады с полными тарелками, за ними, норовя утащить кусок, таскались сатиры. Лозы жимолости, обвивающие греческие колонны, наполняли воздух ароматом.

У жертвенного огня выстроилась очередь полубогов, которые в качестве приношения богам бросали в огонь часть своего завтрака: кукурузные хлопья, бекон, тост, йогурт.

(Йогурт?!) В небо поднимался ровный столб дыма. Как бывший бог я оценил их жест, но задумался, стоит ли загрязнять атмосферу запахом жженого йогурта.

Уилл предложил мне сесть рядом с ним и подал кубок с апельсиновым соком.

– Спасибо, – поблагодарил я. – А где... ну... – Я огляделся в поисках Нико ди Анджело, помня, что обычно он сидел за столом Уилла, хотя по правилам каждый должен есть за столом своего домика.

– Вон там, – ответил Уилл, очевидно, угадав мои мысли.

Сын Аида сидел за главным столом рядом с Дионисом, у которого на тарелке возвышалась гора блинчиков. Тарелка Нико была пуста. Они странно смотрелись вместе, но, кажется, серьезно и увлеченно о чем-то беседовали. Дионис редко пускал к себе за стол полубогов, и если он удостоил Нико такого внимания, значит, действительно есть проблема.

Я вспомнил, что сказал мистер Ди вчера перед тем, как я вырубился.

– «Мальчику и без того хватало плохих новостей», – повторил я его слова. И хмуро посмотрел на Уилла. – Что он имел в виду?

Уилл снял обертку с маффина с отрубями:

– Сложно объяснить. Нико уже несколько недель назад почувствовал смерть Джейсона. Он был просто в ярости.

– Мне так жаль...

– Ты не виноват, – заверил меня Уилл. – Когда ты появился, это только подтвердило то, что Нико и так уже знал. Просто... Несколько лет назад Нико потерял свою сестру Бьянку. И долгое время после этого его не покидала злость. Он хотел отправиться в Подземный мир, чтобы вернуть ее, а это... мне кажется, сыну Аида такое непозволительно. В общем, он только начал смиряться с ее смертью – а потом узнал, что случилось с Джейсоном, первым человеком, которого он посчитал своим другом. Это сильно на него повлияло. Нико дошел до самых глубин Подземного мира, даже спускался в Тартар. То, что он вернулся оттуда, – просто чудо.

– Да еще и в здравом уме, – согласился я. И взглянул на Диониса, бога безумия, дававшего Нико советы. – О...

– Да, – кивнул Уилл. Вид у него был обеспокоенный. – Они теперь часто едят вместе, хотя Нико в последнее время почти ни к чему не притрагивается. У него... Наверное, это можно назвать посттравматическим стрессовым расстройством. Его преследуют воспоминания. И даже галлюцинации. Дионис старается помочь ему в них разобраться. Но хуже всего голоса.

Дриада швырнула на стол передо мной тарелку с уэвос ранчерос²², и от неожиданности я чуть не выскочил из джинсов. Она ухмыльнулась и с довольным видом пошла прочь.

– Голоса? – переспросил я.

Уилл развел руками:

– Нико мало что мне рассказывает. В общем... кто-то в Тартаре зовет его по имени. Кому-то нужна его помощь. Я не знал, как его удержать, чтобы он не рванул в Подземный мир в одиночку, и сделал единственное, что было в моих силах – велел сперва поговорить с Дионисом. Понять, что происходит по-настоящему, а что нет. А потом, если ему все же придется отправиться туда... я пойду с ним.

У меня между лопатками потекла струйка холодного пота. Невозможно было представить себе Уилла в Подземном мире, где нет места солнцу, исцелению, доброте.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказал я.

Уилл кивнул:

– Может быть, если мы сможем победить Нерона: это на время отвлечет Нико – если, конечно, мы сможем помочь.

²² Уэвос ранчерос – мексиканское блюдо из жареных яиц на тортилье с соусом из томатов и острого перца.

Все это время Кайла лишь внимательно слушала, но теперь нагнулась к нам и сообщила:

– Да, Мэг рассказывала о пророчестве, которое вы получили. Про башню Нерона и все остальное. Если будет битва – мы с вами.

Остин помахал поданной на завтрак сосиской:

– Точно!

Я был благодарен им за готовность помочь. Если мне придется воевать, я хотел бы, чтобы рядом была Кайла с луком. Исцеляющая сила Уилла поможет мне выжить, как бы я ни старался убиться. А Остин способен повергнуть врагов в ужас, сыграв уменьшенный минорный рифф на саксофоне.

Но я помнил, что говорила Лугусельва: Нерон ждет этого. Он *хочет*, чтобы мы атаковали. Атака в лоб будет самоубийством. Я не допущу, чтобы мои дети пострадали, даже если придется поверить в безумный план Лугусельвы и сдаться императору.

«Ультиматум. Сорока восьми часов будет достаточно», – сказал Нерон в моем сне. А затем он спалит Нью-Йорк.

О боги, почему в этом тесте не предполагался третий вариант ответа?!

Дзынь-дзынь-дзынь.

Дионис поднялся из-за стола со стаканом и ложкой в руках. В обеденном павильоне воцарилась тишина. Полубоги смотрели на него в ожидании утренних объявлений. Кажется, Хирону не удавалось так быстро привлечь всеобщее внимание. Правда, он и не владел силой, способной превратить всех собравшихся в гроздь винограда.

– Мистер А и Уилл Солас, подойдите к главному столу, – объявил Дионис.

Обитатели лагеря продолжали ждать.

– Это все, – подытожил мистер Ди. – Seriously, я что, должен объяснять вам, как есть завтрак? Продолжайте!

Все вернулись к обычному веселому хаосу. Мы с Уиллом взяли со стола свои тарелки.

– Удачи, – сказала Кайла. – Что-то мне подсказывает, что она вам понадобится.

И мы направились к Дионису и Нико – к Международному главному столу с блинчиками.

Глава 10

*Уэвос ранчерос
Не пара пророчеству
Как и счастье*

Мэг Дионис не звал, но она все равно подошла.

Она уселась рядом со мной, поставила на стол тарелку с блинчиками и щелкнула пальцами, обратившись к Дионису:

– Передайте сироп.

Я испугался, что мистер Ди превратит ее в чучело – заднюю половину для Сеймура, – но он спокойно исполнил ее просьбу. Наверное, не хотел лишиться единственного в лагере любителя играть в пинокль.

Персик остался за столом Деметры, наслаждаясь восхищением, которое изливали на него обитатели лагеря. И это было очень кстати, потому что боги винограда и персиковые духи – плохое сочетание.

Уилл сел рядом с Нико и положил ему на пустую тарелку яблоко:

– Съешь что-нибудь.

– Пфф, – выдохнул Нико, но едва заметно прислонился к Уиллу.

– Так. – В руках у Диониса была бумага кремового цвета, он держал ее между пальцев, как фокусник карту. – Гарпия-курьер доставила мне это вчера вечером. – Он положил карточку на стол и придвинул ко мне, чтобы я смог разобрать затейливый шрифт.

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик
просит оказать ему честь
и наблюдать вместе с ним
сожжение
большого НьюЙорка
через сорок восемь часов после получения этого приглашения,

ЕСЛИ
бывший бог Аполлон, ныне известный как
Ластер Пападопулос,
до этого времени не отдаст себя в руки императорского правосудия
в Башне Нерона.

В ЭТОМ СЛУЧАЕ
мы просто съедим торт.

ПОДАРКИ:
только дорогие.

ЖДЕМ ВАШЕГО ОТВЕТА
Впрочем, нет. Если вы не придете,
мы и так узнаем.

Я отодвинул уэвос ранчерос. Аппетит пропал. Одно дело слышать о дьявольских планах Нерона в ночных кошмарах и совсем другое – читать о них на приглашении, выведенном каллиграфическим почерком, с упоминанием о торте.

– Сорок восемь часов, считая с прошлого вечера, – проговорил я.

– Да, – задумчиво протянул Дионис. – Нерон всегда мне нравился. У него есть стиль.

Мэг яростно набросилась на блинчики и набила рот воздушным сдобным тестом, политым сиропом, – видимо, чтобы сдержать рвущийся наружу поток ругательств.

Нико, сидящий напротив, поймал мой взгляд. Его темные глаза были полны гнева и беспокойства. Яблоко у него на тарелке стало жухнуть.

Уилл сжал ему руку:

– Хватит.

Выражение лица Нико немного смягчилось. Преждевременное старение яблока прекратилось.

– Прости. Мне просто... надоели разговоры о проблемах, которые я не могу решить. Я хочу помочь.

«Помочь» в его устах прозвучало как *«Покрошить врагов в труху»*.

Нико ди Анджело не отличался атлетичностью, как Шерман Ян. Он не умел, как Рейна Рамирез-Ареллано, одним своим видом внушать уважение или вести других за собой, как Хейзел Левеск, мчащаяся в бой верхом на коне. И все-таки если я кого-то и *не хочу* видеть своим врагом, так это Нико.

Его внешнее спокойствие было крайне обманчивым. Бледный и слабый на вид, он старался держаться в сторонке. Но Уилл прав: за свою жизнь Нико успел повидать многое. Он родился в Италии времен Муссолини. Несколько десятилетий провел в казино «Лотос», где время стоит на месте. Оказавшись в современном мире и столкнувшись с новой культурой, он был совершенно растерян и потрясен. Он прибыл в Лагерь полукровок и вскоре потерял свою сестру Бьянку – она погибла, отправившись в полный опасностей квест. Став изгнанником по собственной воле, он бродил по Лабиринту, а злой призрак мучил его и промывал ему мозги. Он сумел вновь завоевать доверие друзей и стал героем Битвы за Манхэттен. Во время войны с Геей его похитили гиганты, и он, в одиночестве скитаясь по Тартару, каким-то чудом смог выбраться оттуда живым. Трудностей добавляло и то, что его детство пришлось на 1930-е годы, а воспитание было консервативным: его растили примерным католическим мальчиком, но спустя долгое время он наконец смог принять собственную гомосексуальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.